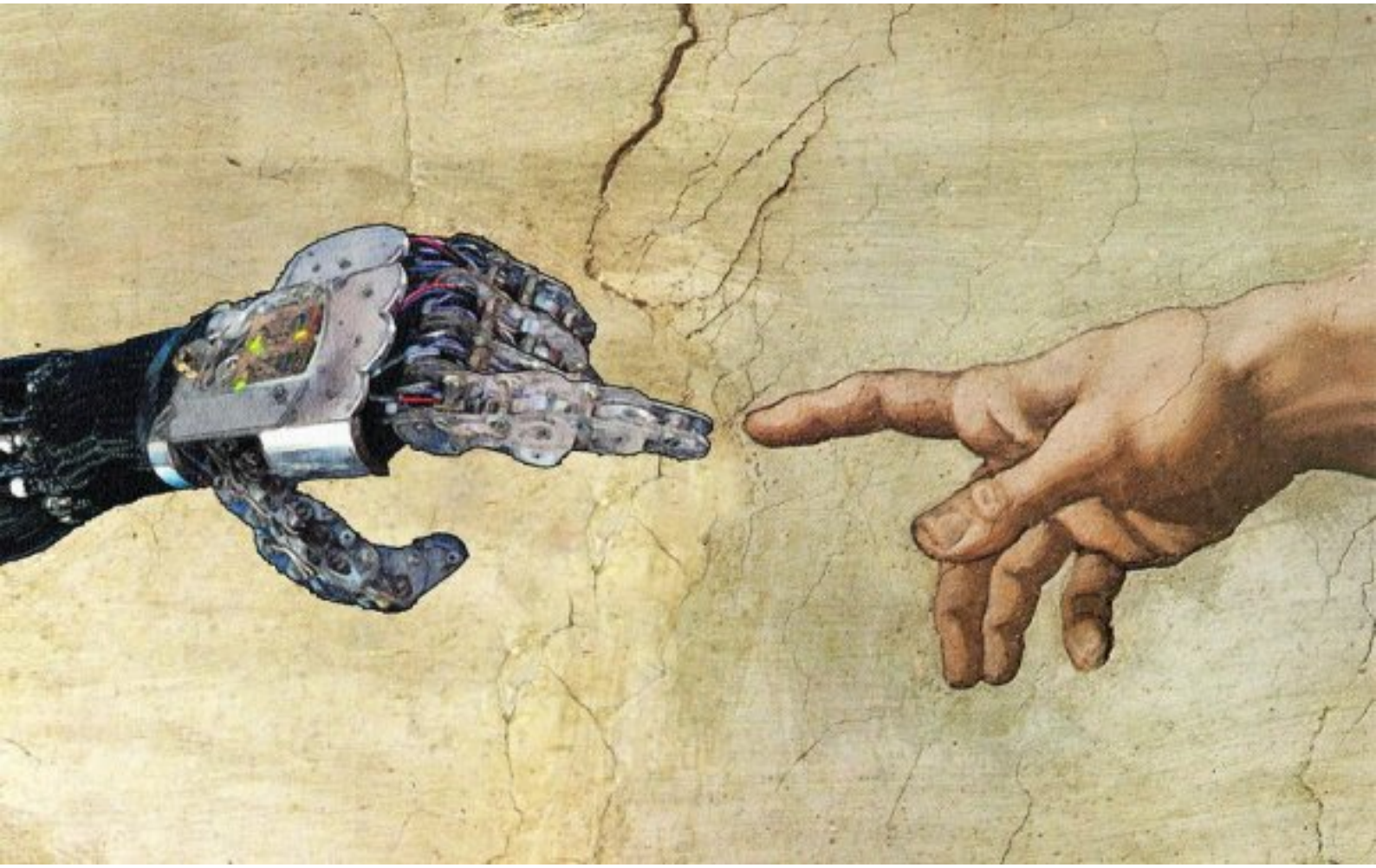

Слабости прогрессивных сил. Щелин, Чадаев, Уралов

Подкаст Алексея Чадаева, Семёна Уралова

Гость выпуска – политолог и философ Павел Щелин

Youtube

VK

Видео на тг-канале Семёна Уралова

Аудио на тг-канале Семёна Уралова

Аудио ЧП-109 на podster.fm

Дата выпуска: 19 ноября 2026

Иван Князев. Дорогие друзья, дорогие наши зрители, рад всех приветствовать. С вами подкаст «Чистота понимания». Напомню, что это площадка, где мы глубоко и подробно разбираем самые интересные, самые актуальные темы и добиваемся частоты понимания самых разных событий с самыми крутыми, я бы сказал, интересными экспертами нашей страны и вообще всего мира. Это площадка для умных и образованных людей, особенно когда такие гости к нам сюда приходят. Спасибо, конечно же, всем, кто лайки ставит и пишет свои комментарии. Ждём от вас лайк и этому выпуску. Это важно для продвижения чистоты понимания. Мы в VK, в RuTube, в YouTube есть. Меня Иван Князев зовут. Позвольте представить наших постоянных ведущих. Это Алексей Чадаев, политолог, журналист.

Алексей Чадаев. Всем добра.

ИК. Семён Уралов, политолог, журналист, писатель.

Семён Уралов. На посту.

ИК. А в гостях у нас сегодня снова онлайн Павел Щелин. Павел, сердечно рады вас приветствовать.

Павел Щелин. Здравствуйте. Всегда рад.

ИК. Вот о чём сегодня поговорим. Мы как-то все привыкли считать, что человечество постоянно движется вперёд, что каждое следующее поколение живет лучше, чем предыдущее, что наука делает нас умнее, технологии делают нас свободнее, а общество — справедливее, и мы всё это называем в таком вот обывательском понимании прогрессом. Но откуда взялась такая уверенность, что человечество — это движение от худшего к лучшему? Почему мы решили, что старое — это обязательно хуже, чем что-то новое? И главное, если технически человечество достигло уже каких-то достаточно серьёзных высот, я бы сказал, иногда даже невероятных высот, почему мы по-прежнему переживаем кризисы, мы по-прежнему воюем и всё чаще говорим о тупике современной цивилизации? Д

авайте сегодня разбираться, что такое прогресс. Это какая-то философская концепция? Это объективный закон, это своего рода религия, светская религия? Лично для меня Может, Павел меня поддержит, самое главное-то, что убили те самые философы-прогрессисты? Вот чего сейчас нам всем, я бы так сказал, всему миру не хватает.

Братцы, накидывайте свой контур.

АЧ. Давайте я начну. Это именно мой был запрос поговорить о прогрессе, поэтому на столе прямо лежит ряд вопросов, которые очень важны и на которые очень хочется найти хоть какой-то ответ. Я здесь, честно говоря, столкнулся с рядом неразрешимых трудностей, прямо тупиков.

Как все советские дети, я вырос в картине мира, где прогресс — это хорошо, а, например, не прогресс — это плохо. Даже было такое в советской пропаганде — «прогрессивные силы».

ИК. Да.

АЧ. «Всё прогрессивное человечество».

ИК. А помнишь, «прогрессивная молодёжь»?

АЧ. Конечно, да-да. И вообще, когда про какого-нибудь, особенно иностранного, человека хотели в Советском Союзе что-то хорошее сказать, про него говорили «прогрессивный». Или «человек прогрессивных взглядов». Понятно, что это прослеживается ещё из взглядов тех классиков и столпов, на которых опиралась советская пропаганда, ещё дореволюционных. Понятно же, что и Маркс жил в парадигме прогресса. Исторический материализм весь о чём? О том, что смена формации — это прогресс от каких-то более отсталых и примитивных форм, в том числе и организации общества, ко всё более совершенным. И конечно, все были безусловными фанатами научно-технического прогресса. Это как работает? Есть какие-то учёные, которые познают мир, всё время открывают что-то новое.

ИК. Мир становится лучше.

АЧ. Не в один ход. После того, как учёные открывают что-то новое, приходят инженеры и изобретают какие-то новые жужжалки, свистелки, вопилки, пыхтелки. Эти вопилки и пыхтелки улучшают разными способами нашу жизнь. Ещё недавно мы в кустики ходили, а вот уже тёплый сортир появился. Прогресс? Конечно, прогресс.

Но правда, всё-таки уже в конце XX века, на который пришлось моё детство, уже этот тезис об однозначности прогресса после двух мировых войн ставился под сомнение, что всё-таки иногда бывает так, что учёные что-нибудь такое изобретут, а оно потом как начнет людей убивать, причём какими-то невиданными доселе, во-первых, способами, а во-вторых, ещё и количествами — химическое оружие, биологическое оружие, атомная бомба, ракета. Так что

> выясняется, что не все научные открытия одинаково полезны, как йогурты.

Во всяком случае,

> надо внимательно следить, чтобы эти самые «учёные, доценты с кандидатами», запутавшиеся в нулях, что-нибудь такое, не дай бог, не изобрели. А уж если

> изобрели, то над ними должен сидеть ответственный товарищ из каких-нибудь ответственных органов или служб и внимательно надзирать, чтобы оно ещё, не дай бог, не попало не в те руки.

Сегодня этими дискуссиями переполнен интернет, особенно в связи с искусственным интеллектом. За это время, наоборот, всё изменилось — что «вот, ещё немного и наступит сингулярность», «эти технологии будут развиваться так быстро, что человечеству просто конец», «компуктер уже нас с вами умнее, а скоро будет ещё умнее, потому что он прогрессирует гораздо быстрее, чем мы думали». Очень видно, что вот эти технологии куда-то не туда завернули прям в значительной степени. Вместо «счастья для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженный!», вместо этого становится понятно, что

> каждая новая технология — это ещё один способ угнетения одних людей другими, увеличения неравенства социального.

То есть мир делится на людей, у которых они есть и которые могут их использовать, и тех, у кого их нет. Помните, даже была одно время тема «борьба с цифровым неравенством» — у кого есть интернет, а у кого нет интернета. Но тем не менее, даже несмотря на все эти новеллы последних десятилетий, в общем и в целом парадигма прогресса устояла всё равно. Порукой тому — очереди в салоны сотовых телефонов за каждой новой моделью очередного гаджета. «Как можно иметь телефон предыдущей модели, когда уже вышло следующая? Лох ты, дружище, педальный!» Как только у какого-нибудь софта появляется обновление, все тут же немедленно его скачивают и устанавливают, потому что новый софт точно лучше старого уже тем, что он новый. Это всё было цветочками.

Но самое главное, что я не понимал и почему запросил помощь зала, звонка другу (Павел — в роли друга, которому звоним), — это то, что в христианской картине мира, да и не только в христианской, пожалуйста, хоть у скандинавов, хоть у индусов, всё это, где мы живём, оно закончится должно чем? Армагеддоном, Кали-югой, Рагнарёком. То есть

> мир идёт, наоборот, из относительно хороших времён в очень плохие. Вся религиозная эсхатология была про то, что нравы с годами портятся, люди с годами всё больше отпадают от Господа Бога, и заканчивается это сначала кровавым месиловом между людьми, а потом вмешиваются высшие силы, и либо всех смывает, как при Потопе, либо вообще просто учреждают новое Небо и новую Землю, но не для всех, а только для хороших. Плохим, извините, гореть в аду. Соотношение хороших к плохим будет сильно не в пользу хороших.

Действительно, можно же сказать, что в какой-то момент представления, как минимум, европейской цивилизации где-то и переломились: из христианской картины мира, христианской эсхатологии, когда мы движемся из относительно неплохих времён, когда можно было общаться с Богом напрямую, в очень плохие, когда приходит Антихрист, Даджаль, Фенрир, Войт — и всем капец. Сколько их было, и по сей день ещё есть, разнообразных учений и течений, ожидающих Судного дня. А в какой-то момент, из всего, что я знаю об истории, было ощущение, что когда-то так думали чуть менее, чем все. Но в какой-то момент это поломалось. В какой-то момент, в какое-то условное новое время, возникла идея, что нет, наоборот.

ИК. «Сейчас всё починим».

АЧ. Не просто «сейчас всё починим», а наоборот, история — это про другое, это наоборот, «из тёмных времён, из тёмных веков, из какого-то мрака и ужаса прошлого мы движемся к сияющему светлому будущему». И уже к моменту, когда товарищ Маркс с товарищем Энгельсом писали свои основные труды, это уже, наоборот, было общим местом: что сейчас нам учёные все объяснят, как устроен мир, инженеры придумают, исходя из этого, кучу очень удобных и комфортных и классных жужжалок, позволяющих нам летать, позволяющих нам жить вечно, позволяющих нам, выходить в космос, а социальные инженеры выстроят справедливое общество вместо прежних моделей, где человек эксплуатировал человека, все будут братьями, некоторые даже сёстрами. Тем не менее, XX век оказался очень сильным стресс-тестом этой гипотезы. Она как будто бы устояла, но в результате уже у наших современников, ныне живущих, возникла такая шизофрения: с одной стороны, даже Голливуд почти перестал снимать фильмы, где в будущем все хорошо, и стал снимать только фильмы-антиутопии, где в будущем все плохо: «Апокалипсис», «Постапокалипсис», «Зомби-апокалипсис» и прочая «Матрица». То есть перешёл обратно в христианскую эсхатологию.

ИК. Пессимистическую.

АЧ. Да, как будто всегда в ней и был, но только ещё и без Бога до кучи. Понятно, откуда ему взяться-то в последние антихристовые времена? Но при этом техно-оптимисты и более того, техно-евангелисты, техно-проповедники всё ещё продолжают рассказывать нам, как они не сегодня завтра всех облагодетельствуют и осчастливят, в том числе и насильно, как наш большой «друг» Алекс Карп со своим известным манифестом, как он будет всех осчастливливать, а кто не хочет осчастливливаться, того ликвидируют.

ИК. Причём этот новый виток где-то лет 20–30 назад опять возник.

АЧ. Поэтому разобраться с тем, во-первых, что такое прогресс, как он устроен, как некая конструкция мышления, развинтить его на составные части, и самое главное, найти хоть какую-то чистоту понимания.

ИК. А если не прогресс, то что?

АЧ. Да. Опять же, мы традиционные ценности защищаем. Это что значит? Это значит, все эти, которые прогрессивные силы, — это наш враг, что ли?

И напоследок ещё положу на этот же стол любимое словечко товарищей Стругацких — прогрессор. Это раз такой специальный насильственный осчастливливатель тех, кто не очень хочет осчастливливаться. Всё ещё актуальные словечко. Вот, вывалил, товарищи. Разбирайтесь.

ИК. Семён.

СУ. Давайте тогда ещё диалектическую пару добавим, потому что понимание прогресса невозможно без понимания регресса. Это пара. Следовательно, для того, чтобы понять, где есть прогресс, а где регресс, нам нужно выстроить ось, определить ноль: относительно чего прогресс.

ИК. Базовый переход.

СУ. Где прогресс, а где регресс? Потому что может оказаться, если мы пошли каким-то не тем путём, то это не регресс, а это просто разворачивание, то есть вообще не было никого

прогресса.

АЧ. Заметь, в советском языке не было пары «прогресс – регресс», была пара «прогресс – реакция».

СУ. Я же про понятие, саму пару «прогресс – регресс». Если говорить про постсоветскую реальность, у нас появилась пара, скорее, «прогрессивный» заменилась на «цивилизованный» — «цивилизованный – не цивилизованный». Модель советская — мы сами что-то делаем прогрессивное, это суверенное наше право. А «цивилизованный» — это значит, что мы прогрессивные идеи (возьмём это рабочее понятие — прогрессивный), мы их извне откуда-то черпаем и себе прививаем. И отсюда появилось понятие уже постсоветское, когда «прогрессивный» заменилось на «продвинутый», обращаем внимание. А что есть антоним к «продвинутому»? «Двинутый» или «задвинутый»? Интересно. Ведь всё-таки «прогрессивный – регрессивный» — понятно.

АЧ. Почему? Отсталый.

СУ. Отсталый, да, отстойный, если совсем уже в языке говорить. И нам же подсказывает прекрасная песня из «Приключений Электроника» (почему важно определять ноль?) Я напомню:

> До чего дошел прогресс!
>
> Было времени в обрез,
>
> А теперь гуляй по свету,
>
> Хочешь — с песней, хочешь — без.
>
> Позабыты хлопоты,
>
> Остановлен бег.
>
> Вкалывают роботы,
>
> А не человек.

То есть, времени было всегда мало, и человеку было просто относительно, особенно в вопросах научно-технического прогресса, определить, что ему время освобождало. А в какой-то определённый момент (по моим прикидкам, это, наверное, когда появились центральный водопровод, канализация), когда с человека сняли большинство тех самых хлопот, он перестал понимать, что ему делать со свободным временем.

А гаджетизация [привела к тому] (мы же видим это, и в когнитивной войне постоянно разбираем эти все залипания), что современный человек не может определить эту точку нуля: где прогресс, где регресс. Если говорить про гаджетоманию, которую мы вспоминали, это как обновление каждому приложению, которое мы качаем. Это прогресс научно-технический? Или это нас чем-то нагружает новым и ненужным, что наше время съедает? Мне бы хотелось обсудить это. Мы же время уже обсуждали как отдельную политическую категорию. В контексте прогресса – регресса, как это со временем нашим связано. Вроде бы, с точки зрения научно-технического прогресса, мы действительно развиваемся. То, что мы сейчас общаемся,

— это явно продукт научно-технического прогресса. Раньше бы нам приходилось переписываться. И дискуссия бы растянулась…

ИК. На годы.

СУ. На годы, на месяцы. А теперь, вроде бы, с одной стороны, мы можем это делать быстро и с Павлом общаться здесь, сейчас. Но с другой стороны, мы видим, что с этими постоянными обновлениями…

ИК. Времени нет вообще.

СУ. Времени нет вообще. Казалось бы, «гуляй по свету, хочешь — с песней, хочешь — без», а песни как-то не поются. И эту точку нуля очень бы хотелось бы обсудить, возможно ли с ней или без неё понимание прогресса. Ну, и пара «цивилизованность – отсталость».

ИК. Ох, Павел! Слишком большой и серьёзный пласт вопросов мы вывалили на стол. Помогайте.

ПЩ. Ничего страшного, попробуем. Ещё раз всем здравствуйте. Немного, мне кажется, смешались в кучу кони, люди. Попробуем немного навести чистоту понимания с философской точки зрения. Здесь сразу скажу четыре источника тем нашим зрителям, кто захочет углубляться гораздо глубже и дальше, на особую оригинальность я пока не претендую:

1. Первое — это любимый Эрн. У него есть две великолепные статьи, ровно посвящённые этой проблеме, называется «Социализм и проблема свободы» и «Идея катастрофического прогресса». Если не читали, очень рекомендую, буквально по этой теме.
2. Дальше, Несмелов «Наука о человеке».
3. И если сможете, добавить «Святоотеческую традицию», Исаак Сирин «Аскетические письма»
4. и Максим Исповедник, «Вопросоответы к Фалассию».

Там как раз про все эти категории — время, изменения, цель, душа и т. д., и т. п. В чём, мне кажется, фундаментальные противоречия, когда вообще возникает речь о прогрессе? Первое.

> Прогресс является, разумеется, категорией, по своему умолчанию, не нейтральной. Другими словами, чтобы мы сказали, что что-то является прогрессивным движением, мы должны предположить движение от более худшего к более лучшему,

от состояния, условно, минус один к состоянию, условно, плюс один. То есть это, в принципе, на данный момент идёт логический аргумент. Как определить тогда, что есть минус один, что есть плюс один? Это выводит нас фундаментально на разговор телеологический, то есть разговор о цели. А что есть конечная точка этого всего самого движения?

> До тех пор, пока не дан ответ на уровне философии, на уровне смыслов, на уровне системы на вопрос, а что является конечной целью движения, в принципе разговор о прогрессе является самоопровержимым и бессмысленным.

Мы не можем сказать, что движение само по себе есть благо. Мы можем сказать то, что

движение от цели есть то самое зло. Движение к цели есть благо. Это очень хорошо, мне кажется, Алексею понятно на основе его дроноводческой истории — очень прикладная философская картина. Тогда вопрос о прогрессе неизбежно становится вопросом вообще цели, если угодно, исторического движения. Здесь идёт в поддержку Эрн. Его фундаментальный тезис, говорит о том, что разумеется, для разговора о свободе как о цели мы должны освободиться от двух вещей: от господства над нами времени и господства над нами смерти. Другими словами, любая система, которая не отвечает на вопрос о времени и смерти, в принципе неудовлетворительна в той дискуссии, которую подняли уважаемые собеседники. Тогда получается очень неприятный вывод для той традиции, которая возникает в середине примерно XVIII века, переобразуя все гностические системы (об этом чуть дальше), что пока мы честно не поставим вопрос о смерти, мы в принципе не можем рассуждать ни об одном из тех феноменов, которые мы затронули. Или, цитируя Эрна:

> «Для того, чтобы освобождение было освобождением навсегда, нужно, чтобы оно было освобождением от самого времени. Пока время господствует, мы строим песчаные сооружения в промежутке от одного прилива до другого».

Целая составленная из смертных, даже количественно расширенная, даже общающаяся посредством электронных, если угодно, средств, это всё равно в конечном итоге сумма нулей. И это, разумеется, говорит о том, что

> любой разговор о прогрессе может быть только языком религиозным, идеологическим.

Из позитивных новостей — в православной онтологии победа над смертью уже случилась. Это к вопросу о фундаментальном источнике прогресса. Теперь о значении этой победы. Мы привыкли свободно оперировать прогрессом. Алексей упомянул немного синкретический подход, что у всех, дескать, всё одинаково. Вообще нет. У буддизма, например, никакой победы над этим нет. Освобождение нирваны — это не победа над смертью, это абсолютная смерть. То есть в этом освобождении ничего победительного не существует. И вообще, если мы действительно смотрим на бóльшую часть мировых традиций, понимание относительно времени там глубоко пессимистичное. В целом это понимание Экклезиаста:

> «Что делалось, то и делалось, и нет ничего нового под солнцем, и всё, в конечном итоге, прах и в прах возвращается».

Ничего в конечном итоге не происходит. Этот трагизм нами глубоко и полностью забыт. Почему забыт? Это результат той мутации, которая произошла за 400 лет до нас, но мы её не отрефлексировали. Дело в том, что сначала приходит благая весть. И благая весть, Евангелие, она именно в этом — то, что возможна победа над самой смертью. Вопрос ставится изначально предельно и радикально. Если мы говорим о каком-то (в кавычках) «прогрессивном» движении, то это и есть та катастрофа по масштабу, где «смертью смерть поправ» разрешается главное противоречие человеческого бытия.

В дальнейшем же этот оптимизм христианский за 16 веков стал самоочевидным. Начиная с середины XVI века, у нас постепенно идёт преображение, мутация в современные идеологические конструкции, где оптимизм сохраняется, но его, если угодно, целевая причина

спускается с качественного глубинного сердечного изменения аскетической традиции на количественное материальное изменение окружающего мира. Другими словами, победа над смертью достигается имманентными горизонтальными усилиями через накопление силы и власти.

ИК. Очень важный вопрос, почему эта мутация случилась?

ПЩ. Это отдельная очень длинная история. Эту заразу нам принёс товарищ Запад. Надо понимать, это его мутация. Алексей упомянул, очень важно, так называемые тёмные века. Важнейшее, вообще-то, наблюдение для нас — что тёмных веков нет. Их не существует. Тёмные века существуют, только если вы выкидываете из истории второй Рим — Константинополь. Если вы разрываете историческую преемственность и создаёте в ней провал такой огромный, потому что если вы рассматриваете наш подход, чей Рим, то континуитет Рима никогда не прерывается, и вам достаточно побывать ещё в не до конца разрушенном Константинополе, посмотреть на мозаики, сделанные в эпоху так называемых тёмных веков, чтобы все разговоры о том, что якобы Ренессанс был каким-то прогрессом и что якобы там было что-то забыто, и идёт какое-то движение от худшего к лучшему, что якобы были забыты, что Гомер, что Платон, что Аристотель, отменяется. А в Европе, в связи с тем, что им надо переопределить себя как Рим, в том числе, и надо было выкинуть Рим новый, то есть Константинополь, и надо было объяснить, что тут произошло в промежутке, рождается новая временная концепция, которая, в свою очередь, накладывается на ряд творческих интерпретаций католической церкви Августина (тезисы о земном граде), и особой ответственности Папы Римского о том, как надо улучшать и реформировать этот земной град, чтобы, дескать, навести тут порядок, а то Библию не читают и вообще занимаются разными непотребствами. То есть это важнейший тезис о том, что крупнейшие реформаторы западной традиции были задолго до Мартина Лютера. Уже начиная с XI века есть период великих пап-реформаторов. Они так и называются в римской католической теории. То есть принцип реформы как изменение имманентной формы, он уже развивается и глубоко в рамках вот западной юридической традиции наследия латинского языка. Понятно, что тогда это ориентируется и всё завязано на высшую трансцендентность. Это ничто не отрывается, но предпосылки создаются.

Дальше это соединяется с мифом о Ренессансе, с мутацией. Вот почему очень важно, есть отдельная цепочка с точки зрения теории идей. Были разные юридические течения иконоборческие в Византии ещё в IX веке, включая богомилы катарские. Они потом, если кто не помнит, мигрируют на юг Франции, все эти альбигойцы, катары и прочие. Потом за несколько веков идеи не умирают. В общем, где-то к XV веку вся эта совокупность мутаций даёт нам протестантскую реформацию. Там, с одной стороны, особенности устройства римской католической церкви, с другой стороны, мутации гностических ересей. Все это создаёт как раз идею глубоко гностическую, которую мы воспринимаем как самоочевидную, о некой тьме, из которой потом рождается свет, и этот свет является светом освобождающим. Это странное сочетание, с одной стороны, предельного огромного внимания к материи, к изменению материи для обретения власти и глубокого спиритизма по освобождениюэтой божественной искры из этого плена окружающей действительности. Это всё даёт нам уникальное сочетание в районе XVI–XVII веков, из которого рождается так называемая цивилизация современности. Это очень, простите, краткое содержание. Понятно, что здесь можно с много чем уточнять и спорить, но последовательность, вроде, отразил достаточно точно.

И уже понятно, с эпохи Просвещения Бог выносится за скобки, а императив движения от худшего к лучшему сохраняется. Повторюсь, этот императив безумно специфичен. В большей части мировых традиций ничего этого нет. В лучшем случае там цикл, то есть оно просто движется по кругу. Это чаще всего движение по кругу вообще без какой-то хронологической

истории. Идея хронологического движения, ещё раз, — это пророки. Это идея о том, что придёт Мессия. По сути, это реабилитация Хроноса как чего-то позитивного, потому что, как правильно говорит Алексей, в античной традиции у Гесиода ничего позитивного в конце нет. Там деградация от золота к железу. Там ничего позитивного быть не может. А вот

> христианская эсхатология даёт эту странную идею о том, что вообще в будущем может быть что-то хорошее. И даже если в будущем что-то будет плохое, через это плохое придёт что-то хорошее, и вернётся полнота времён.

То есть эта вся история соединения полноты времён.

О чём пишет Эрн? Уже к нашему XIX веку, вот это забытие о том, что библейская, если угодно, история закончилась, и мы создали пародию на нее под названием того, что мы привыкли называть прогрессизмом. Идея в том, что через материальное изменение количества мы достигнем качественного изменения, победы над тем самым временем и смертью. Это и есть, наверное, тот самый корень противоречия при разговоре о прогрессе, потому что можно говорить, например, о технологии, роли и месте технологии, но разговор о прогрессе — это разговор намеренно религиозный. Вот я о чём хочу поговорить. Здесь стоит всё-таки отметить, что если мы говорим о прогрессе не просто в смысле изменчивости, а в смысле движения, повторюсь, от лучшего к худшему, без постановки вопроса о смерти, это автореферентный вопрос. В конечном итоге какая разница? И Эрн очень подробно об этом говорит, и Достоевского у нашего тоже это есть. «Какая мне разница, что человечеству в будущем что-то там будет? Кто может вообще быть носителем прогресса?» — ставит вопрос Эрн. И он отвечает, что единственный философски осмысленный вопрос носителя прогресса — это бессмертная личность. Потому что если личность смертная… Это как, простите, почему, допустим, коммунистическая идея, будучи модернисткой по своей природе, не смогла обеспечить поколенческую преемственность? Это, простите, камень в нашу любимую диалектику лоха.

В чём проблема идеи прогресса? Светский прогресс предполагает, что настоящая жизнь, условно бессмертная, начинается с какой-то неопределённой точки в будущем на горизонте, допустим, в коммунизме. Соответственно, все предыдущие поколения в этот рай не попадают. Мы же верим, что смерть абсолютна. Мы же материалисты. Если смерть абсолютна, тогда получается, если я, живущий здесь и сейчас, положил свою жизнь, единственную, неповторимую, материальную, и я полностью уничтожаюсь, чтобы в будущем наступил коммунизм, то мне-то с этого чего? Если меня в конечном итоге нет, то я, получается, лох, я не достиг этого священного будущего. Меня нет. А если мы говорим о том, что нет, ты в какой-то мере сохранён, то тогда ломается вся материалистическая конструкция.

Эрн это разбирает ещё в десятых годах XX века, он показывает, что здесь есть логическое противоречие, что если мы говорим о новоосмысленном носителе прогресса, то это должна быть необходимо бессмертная личность. Причём реально бессмертная.

АЧ. На эту тему, Павел, прекрасно ответил, между прочим, товарищ Гайдар:

> Плывут пароходы — привет Мальчишу!
>
> Пролетают летчики — привет Мальчишу!
>
> Пробегут паровозы — привет Мальчишу!

А пройдут пионеры — салют Мальчишу!

ПЩ. Так Мальчиша нет.

АЧ. Да как нет?

СУ. Есть коллективный Мальчиш.
АЧ. Есть. Как нет?

ПЩ. Нет-нет, подождите, это принципиальный вопрос. Если мы не говорим о том, что существует бессмертная душа Мальчиша, то есть вы можете сказать: «Мы помним о Мальчише», но это не Мальчиш, память обо мне не есть я.

СУ. Не бессмертная, а коллективная. Нет, смотрите, важно не пройти этот момент. Идея прогресса именно коммунистического в том, что каждый вносит какой-то свой вклад в коллективное дело. Об этом, кстати, вся «Как закалялась сталь». И вообще, судьба самого писателя Островского. Ты можешь страдать в жизни, ты можешь стать слепым, хромым, но за счёт того, что ты свой вклад сделал, ты коллективно приблизил…

ИК. Ты обеспечил себе бессмертие таким образом.

СУ. Не бессмертие.

ПЩ. Именно в этом-то и проблема. Что это значит? Обрати внимание, что ты говоришь. Если я поверю твоим словам, то, что я пострадал, я внёс этот вклад, но если я, моё я, эта моя личность заканчивается с моей смертью, то не имеет никакого значения, внёс я вклад, не внёс вклад. Я в каком-то смысле больше лох, что я ещё и пострадал.

СУ. Нет, это какой-то очень вульгарный материализм.

ПЩ. Нет, это как раз единственный логический вывод из этого.

АЧ. Хорошо, товарищи и господа. Давайте, раз уж пошли цитировать классиков, я тоже процитирую одно из главных религиозных эсхатологических произведений нашей культурной традиции, а именно, фильм «Гостья из будущего». Помните финал, когда Алиса в подвале рассказывает детям, кем они станут? Когда я даже первый раз его смотрел, я поймал себя на том, что где-то в этот момент меня очень сильно — сейчас матерное слово — обманули. Я уже знал тогда это слово.

ИК. Есть очень хорошие всякие анекдоты на эту тему.

АЧ. Да-да. Анекдоты — само собой, они, понятно, отражают. Но безотносительно анекдотов. Анекдотов я тогда ещё не знал, я их потом уже узнал. Но там в самом конце, когда выясняется, что Алису Полина забирает обратно , в её будущее, а эти такие стоят, в галстучках, и говорят: «А мы как же к тебе попадем?» И она, лучезарно улыбаясь им, говорит: «Своим ходом, год за годом». Но мы же понимаем, что даже если они своим ходом, год за годом попадут (там был такой персонаж. Помните? Сумасшедший дед на велосипеде, которому сто лет в обед), что в лучшем случае, если они даже доживут до тех времен, когда девочка Алиса будет учить крокодила с помощью миелофона, то максимум, что им остаётся, это быть вот этим сумасшедшим дедом, который наверняка кто-то из их одноклассников. И это идеальный сценарий. Это при условии, что изобретены способы долголетия активного, пришёл товарищ Собянин, придумал много кружков для того, чтобы на велосипеде ездить…

ПЩ. Школа долголетия.

АЧ. Да. А вдруг нет? Понимаете?

ИК. Умеешь ты светлую идею испортить!

АЧ. И тогда «своим ходом, год за годом» все померли благополучно, по большей части.

ИК. А если вспомнить, что в 90-е происходило, половина из них поумирали.

АЧ. А вот половина анекдотов как раз про это: «Ты будешь киллером, ты — проституткой». Понятно, как на самом деле-то. И стало ясно, заметьте, что «Прекрасное далёко, не будь ко мне жестоко» — это кто? Это некая религиозная доминанта, действительно. Она же от имени будущего, того прекрасного будущего, в котором она, эта синеглазая Алиса, учит всех, как надо жить и кем кто станет, она директивно рассказывает…

ПЩ. Тут такое кальвинистское предопределение резко зашло.

АЧ. Да, предопределение. Абсолютно. И они все должны стать лучше. Они все должны лучше учиться, получать «пятёрки» ради того, чтобы через сто лет эта прекрасная лучезарная Алиса могла учить крокодила разговаривать.

СУ. Смотрите. Это же не эфемерное «далёко».

ИК. Через сто лет, по фильму.

СУ. Не имеет значения, через 100, через 200, через 300. Об этом всё творчество Ефремова. Там главное должно исчезнуть, я напоминаю, — эксплуатация человека человеком.

ПЩ. А если я не дожил до этого момента, Семён, прости?

СУ. Я его приблизил.

ПЩ. Какая мне разница с этого?

СУ. Как какая разница?

ИК. Ты разумный человек, твоя этика тебе позволяет в такой парадигме существовать.

СУ. Если я прожил жизнь так, что не стыдно за бесцельно прожитые годы. Чтобы это оценить, для этого есть коллектив, напоминаю. Тут же что очень важно? У этой идеологии, я против того, чтобы называть это верой, потому что это всё-таки идеология, это продукт от науки, как мы это обсуждали многократно. Есть регулятор.

ИК. Почему не вера? Смотри: пророки есть, апологеты есть, во что верить тоже есть. Почему тогда это не вера?

СУ. Называй это как хочешь. Просто те, кто это практиковали, называли это идеологией.

АЧ. Давай тогда вспомним, что такое идеология. Термин, который изобрел некто Дестют Де Траси, в прошлом маршал королевских мушкетёров, а потом видный деятель Великой французской революции. Он её определял буквально как гражданская религия. То есть это автор термина.

ИК. Все признаки.

АЧ. Что значит все признаки? Он это напрямую говорил. Тогда, когда он вводил слово идеология в язык, изобретал его и вводил в язык, он так и объяснял, что до Великой революции все жили по Библии, но теперь, поскольку Библия отменена и Бога нет, а во что-то верить надо, то нужен текст, по поводу которого все согласны, во что мы верим. Именно этот текст, по поводу которого все согласны, он и назвал словом «идеология». Напоминаю, один из самых ранних трудов товарищей Маркса и Энгельса, «Немецкая идеология», был как раз посвящён беспощадной критике самого понятия «идеология». Там это было примерно так, что, во-первых, слово это придумали французы, а они конченые идиоты. Ну, какой человек в здравом уме и твёрдой памяти будет пытаться всерьёз мыслить, а уж тем более, не дай бог, философствовать на французском лягушачьем языке? Понятно же, да? А во-вторых, даже у нас, в нашей Германии, где все нормальные здравые люди мыслят и философствуют на нормальном немецком языке, всё равно появляются уроды моральные, которые пытаются нам, просвещённым немцам, всё равно навязать идеологический способ мышления.

Поэтому не было больших врагов самого понятия «идеология», чем товарищ Маркс и товарищ Энгельс. Почитайте внимательно их классические работы. Это же злая ирония истории, что после того, как они отдали прогрессу душу, то, что от них осталось, обозвали идеологией и ещё воздвигли на знамёна. Это жесточайшая ироническая насмешка истории.

ИК. Ладно, братцы, мы Семёна немножко зацепили, а он всё-таки мысль-то не сформулировал. Семён.

СУ. Понятно, что новые понятия объясняются через то, что общепринято. И понятно, почему это объясняли они через религию. Если мы двигаемся от понятия, религия — это то, что зажигает в нас что-то. Правильно? Мы же не просто про верования говорим. Верования же были и до христианства. Если так говорить, первыми прогрессорами, наверное, были Пифагор и пифагорейцы.

ПЩ. Они были глубоко религиозными людьми.

СУ. Я не говорю о том, что они не были религиозными.

ПЩ. Они были изотериками. Они думали, что они через формулы откроют порталы в невидимые миры.

СУ. Но сама идея, так как они числа именно поставили в центр… Мы уже определили, что прогресс — это движение либо в позитивную сторону, либо в негативную, от нуля, либо влево, либо вправо.

ПЩ. Относительно какой-то цели, Семён.

СУ. Правильно.

ПЩ. У настоящих пифагорейцев была цель — освободить свою божественную искру и войти в невидимый мир через магическую формулу. Если говорить об их целях. Но ты же не относительно цели меряешь, я думаю?

СУ. Цель определяет каждый, исходя из своих представлений и мировоззрений.

АЧ. Вот внезапно коллективист-то тут и закончился. Коллективист Семён, который только что нам говорил, что всё ради коллектива, внезапно говорит нам, что цель определяет каждый.

СУ. Нет, так вопрос, откуда он черпает цели. В вашей картине мира они черпаются от идеи сверхъестественного. В моей картине мира они черпаются из коллектива. И коллектив тебя всегда…

ПЩ. А коллектив откуда черпает?

СУ. Коллектив? Ой, много откуда. Из философии…

АЧ. А философию кто сочиняет?

СУ. Это уже очень сложный процесс. Это сложный процесс, который движется на протяжении тысячелетий. Но ключевая идея, подчёркиваю, советского прогресса, коммунистического, в том, чтобы не было эксплуатации человека человеком. И об этом Ефремов, вся фантастика наша научная. А научно-технический прогресс отрицать бессмысленно. Я предлагаю, чтобы мы в нашей дискуссии разделили. Понятие научно-технического прогресса, который нам очень часто втюхивают как единственно возможный (мы разбирали манифест Карпа). Но если идея роботизации положена для усиления эксплуатации человека человеком, то это регресс, извините меня, товарищи, именно с точки зрения целей. А если оно положено для освобождения человека от эксплуатации, то тогда это прогрессивный научно-технический прогресс. Путаница серьёзная.

ПЩ. Семён, это очень хорошо, я согласен с твоим разделением, но я попробую словами Эрна всё-таки объяснить, в чём моё сущностное противоречие, по крайней мере, для зрителей. Может, им будет понятно. Просто он буквально об этом пишет:

> «Если я, умирая, то есть выходя из пределов нашего мира, связи с целым не теряю, — как, по сути, ты полагаешь, — очевидно это целое должно быть тоже за пределами нашего мира, то есть оно должно быть сверхэмпирическим ноуминальным веществом, но оно, как мы видели, не может быть и трансцендентным в отношении людей, находящихся в земных условиях. Оно должно быть имманентным миру. Итак, у этого единого существа, подобно отдельной человеческой личности, должно быть два лика, — к предыдущему выпуску нашему, — ноуминальный и эмпирический. Две формы существования — трансцендентное и имманентное. Нужно ли говорить, что этим самым мы подошли к христианскому учению о церкви? Церковь мистическая — это ноуминальное запредельное существо, невеста Христова. Церковь воинствующая — то же самое существо, но имманентное миру, реализующееся в нём, борющейся со стихиями и дробностями их хаоса и постепенно их одолевающая».

АЧ. Классно! Вот Паша так объяснил, что я сразу всё понял.

СУ. Так церковь же — коллектив.

ПЩ. Так нет, вопрос, что у него две природы. Я говорю о том, что ты не можешь решить вопрос о проблеме, не введя вторую природу в корень рассуждения. С чем я полностью согласен? Мы должны различать. Под словом «прогресс» понимаются два принципиально разных феномена: прогресс как религия и прогресс как изменчивость — то, что ты называешь научно-техническим прогрессом, и даже изменчивость с целью увеличения силы власти, количественных сил и возможностей, назовём это так. И вот это действительно отличные понятия, они могут находиться в разных отношениях.

Я говорил о том, что первая часть, вот этот прогресс как парадигма, она, будучи лишённой честного предельного вопроса о смерти и отношениях отдельно взятой человеческой личности с этой самой смертью, становится, простите, бессмысленной.

ИК. Я бы проще сделал. Я бы всё-таки тогда из этого словосочетания «научно-технический прогресс» именно слово «прогресс» бы убрал…

АЧ. Как это, убрал?

ИК. А оставил бы «научно-техническое развитие». Тогда…

АЧ. О, Иван! Ты не первый такой умный. Это начиная где-то с конца 80-х, как раз когда доклад Римского клуба широко разошёлся, все стали понимать, что мы можем и планету угробить из-за слишком быстрого научно-технического, а потом и промышленного, а потом и всякого разного другого прогресса. Я, кстати, именно здесь и сейчас собираюсь заниматься тем, что Семён тут табуировал, — отрицать научно-технический прогресс. До этого дойдем ещё.

В общем, люди поняли, что как-то мы можем действительно просто вообще все гикнуться, и человечество, и жизнь на Земле внезапно ненароком уконтрапупить просто в процессе безудержного рвения к новым высотам научно-технического прогресса. Какая-нибудь ядерная зима — и всё, капец, нет никого и ничего. После этого слово «прогресс» действительно было задвинуто в тень, как нам Ваня предлагает, и вместо него появилось новое понятие «устойчивое развитие». Возникли международные какие-то всемирные форумы, это стало объявлено в какой-то момент официальной целью ООН, и по сей день в большинстве официальных документоввместо прогресса, который признан всё-таки штукой опасной, непредсказуемой и требующей контроля и надзора, вместо этого у нас теперь устойчивое развитие. Стоим, качаемся по-простому.

ИК. Почему не нравится тебе?

АЧ. Так это глупость! Именно из-за устойчивого развития мы и оказались в той заднице, которую сейчас наблюдаем. Буквально. Потому что в том-то и дело, что это горячий лёд, это оксюморон, это устойчивое развитие.

ИК. Потому что оно либо устойчивое, либо развитие?

АЧ. Конечно! Ты пробовал ходить, одновременно оставаясь на месте? Оставаясь на месте, ты устойчив.

ИК. На беговой дорожке.

АЧ. Когда ты делаешь шаг, ты теряешь устойчивость, и в этот момент возникает риск упасть, естественно. Но именно благодаря этому ты делаешь шаг.

ПЩ. Можно усилию? Как раз вот здесь важный парадокс. Почему у любимых греков на иконах тоже, кстати, это ображено. Помните, на иконах Страшного Суда есть огромная пасть. Это развитие античного понимания Хроноса, который пожирает своих детей. Вот это, опять-таки, античный мир ощущает очень хорошо. Это то самое тьма над бездной, это море возможностей, но это море возможностей в себе несёт катастрофу. Это очень принципиальный момент. Поэтому в идеале, здесь мы возвращаемся к проблеме времени и прогресса, что наши сторонники устойчивого развития, на самом деле, время-то, конечно, хотят отменить. И тут в чат входит коллективный Фукуяма с концом истории. Это принципиальный момент. Кстати, та же самая проблема возникает во всех прогрессистских идеях, что либеральной, что, простите,

националистической. Вам нужно достигнуть точки, в которой времени не будет. Но теологической и философской базы, как его там не будет, у вас под этим нет. Это, опять-таки, взяли, простите, патристику, выкинули из неё метафизику, и теперь вот у вас точка, после которой время не останавливается. Прости, Алексей, это важный момент.

АЧ. Да-да-да. Я всё-таки, извини, не могу не прокомментировать цитату из Эрна. А то ты там столько слов сказал, которые даже не каждый «умный и образованный» в Википедии откопает, — трансцедентный, имманентный. Я сразу вспоминаю, как танкистам про Канта рассказывал. Помните, такое было?

ИК. Помним. Значит, вот.

АЧ. Эрновские рассуждения о чём? Я сейчас попробую это на языке, как ни странно, если не Семёна, то хотя бы Маркса изложить. Слово «коллектив», ему же, кстати, вполне себе в духе действительно христианском, потому что «екклезия» с греческого переводится как «сообщество»…

ПЩ. «Собрание».

АЧ. А я говорю прямо — общество. То есть то, что у нас называется словом «церковь», у них в византийской традиции это буквально «общество» и есть. Это синоним, это знак равенства. И в этом смысле тезис Иисуса «кто душу свою положит за други своя» — самый лучший. Это и есть базовый тезис коллективизма. Чем ты жертвуешь? Ты жертвуешь собой. Опять-таки, вслед за Ним самим, Который за грехи всего мира пошёл на крест. И каждый, кто сделает так, или кто своей жизнью сделает так, пожертвует собой ради других, причём ради ближних, ради тех, кто часть вот этой самой церкви, тот и обрёл тем самым жизнь вечную. То есть та самая вечная жизнь, таким образом, решается через эгрегор коллектива. Почему, собственно говоря, у нас святые висят на иконах, а у советского культа бородатые классики тоже точно так же иконами висят, и точно так же мощи в мавзолее лежат. Ничего тоже радикально нового не придумали. Потому что имеется в виду, что это лучшие люди, они внесли неоценимый вклад в дело дальнейшего движения коллектива по пути прогресса и приближения к коммунизму, и именно этим они заслужили своё место в вечности.

Здесь, Павел, твоя эта проблема — «А как же так? Я же помер, меня же нет больше». «А тебя в каком-то смысле и не было никогда», отвечает на это правильный коллективист. Ты вообще с самого начала имел значение для истории прогресса и всего остального исключительно как член коллектива («Единица — вздор, единица — ноль»), исключительно как юнит и неотъемлемая часть этого самого коллектива.

СУ. Именно. Сначала в семье, а потом тебя передали в другие коллективы.

АЧ. Совершив нечто хорошее, увеличивающее количество добра и всякого прочего блага для этого самого коллектива, двигающего его по пути к реализации этих самых великих задач человечества, ты тем самым и обрёл эту самую вечную жизнь. При этом нет никакого «я» вообще в этой логике. И оно, даже если и есть, это неважно. Это не имеет смысла, не имеет значения.

СУ. Не важно.

АЧ. Важно только то, что ты член партии и в рамках текущих задач, определённых на последнем съезде решениями и утверждёнными, реализуешь курс партии и правительства.

ПЩ. Неубедительно.

СУ. Так же, как для православного важно, что ты честный христианин. Ты в церкви…

ПЩ. Нет, не так же. В том-то и дело, что совсем не так же.

АЧ. Подожди, Павел. Не так же. В чём здесь нюанс? Где здесь точка непонимания между православными и коммунистами? Даже жёстче, между магистральным христианством и коммунизмом. Магистральное христианство с самого начала говорило об индивидуальном спасении. Ты есть вообще, у тебя есть душа, она бессмертная, у неё есть шанс на вечную жизнь. То есть это не то, что тебя не было никогда иначе как части коллектива. И как раз таки даже если ты делаешь что-то хорошее, живёшь праведной жизнью и т. д.…

ИК. Спастись за компанию не получится.

АЧ. Да-да. За компанию можно только удавиться, как Иуда. Если эти все эрновские формулировки переводить на более обыденный язык, то что имеется в виду? Что Бог, он с одной стороны трансцендентен в том смысле, что он по ту сторону как бы вообще всей познаваемой реальности

ПЩ. Категорий.

АЧ. Категорий, да. А с другой стороны, он у тебя прямо внутри, в тебе, поскольку ты носитель бессмертной души. Он и так есть, и так есть, и одно без другого не бывает. Он внутри тебя, и это даёт тебе возможность богообщения. И в то же время вот он есть нечто большое, к чему движется весь этот самый коллектив, оно же человечество, оно же история мировая и т. д. Вот о чём говорит Эрн.

ПЩ. Движение одновременно личностное и коллективное. Но одновременно личностное. Недаром предыдущий эфир у нас был про личность. Вот тот самый принципиальный тезис. И мой тезис, если упрощать, — что любой разговор о прогрессе, который не отвечает на вопрос о моем личном бессмертии, как сказал Достоевский: «Что же мне, чаю не выпить? Но я вам скажу, да гори оно всё огнём!»

АЧ. Поэтому на это наш ближайший партком тебе вынесет предписание, что ты совершил политическую ошибку, отрываешься от коллектива, проявляешь индивидуалистические тенденции и нуждаешься в срочной отправке в совхоз имени Баграмяна на уборку брюквы, просто в порядке, чтобы осознал и исправился.

ПЩ. Как мы, к сожалению, эмпирически знаем, эта проблема, мягко говоря, причём на уровне прежде всего элиты весь этот проект сгубила.

АЧ. Да, просто вся штука в том, что это всё работает только если всех таких злокозненных индивидуалистов отрывающихся всех без исключения регулярно отправляют в совхоз имени Баграмяна. А как только перестали отправлять, возникла номенклатура, которую не отправляют в совхоз имени Баграмяна. А если особо упираются, то и на коммунарку. То тут же немедленно схема рушится. Потому что выясняется, что тогда получается, что вся эта теория имени Семёна про коллективизм — это для лохов.

СУ. Так это точно так же, если еретиков от церкви не отлучают, тоже всё накроется. Но схема-то одна и та же. Ну а что? Ну, если бы не было бы этого, все ереси бы до сих пор между собой конфликтовали.

АЧ. А они так и конфликтуют.

СУ. Нет, ну их-то отлучили, всё, это ереси.

ПЩ. Во-первых, чтобы ты понимал, с точки зрения католиков, мы еретики, с точки зрения нас, [католики еритики]. Ересь, напоминаю, переводится как ошибка. Всё-таки большая разница, да? То есть ересь, это переводится как ошибочное мнение.

АЧ. Знаем такое слово.

ПЩ. То есть тебе здесь…

СУ. Точно так же, в колхоз и на перевоспитание. Это же тоже ошибка.

ПЩ. Но очень тезис Алексея, который я поддерживаю на длинной дистанции. Понимаешь, в чём разница? Когда есть этот мой личностный контур с реальным моим личностным бессмертием, даже если все совершают ошибку, вообще все вокруг меня, я-то всё равно лично спасаюсь. И во мне спасается весь коллектив, очень важно. Это важный парадокс, что в каждом святом спасается вся церковь, на самом деле, целиком. Вот это отношение. И при этом он спасается как своя отдельно взятая индивидуальная личность. Когда у нас получается то, что все сказки про коллективизм для лохов, а реальные пацаны получают румынскую стенку, японский видик и прочие другие истории, это не работает.

АЧ. Мы можем так скатиться опять в красно-белый спор о советском прошлом.

ПЩ. Так нет, это интересно. Мне это интересно тем, что Эрн это разбирает довольно заранее и ровно по этим граблям проходится. Мне очень понравилась его мысль, я такой не встречал, то, что в Советском Союзе, то есть, по сути, понимали под коллективом, это и есть секуляризированное понятие церкви. Я такой тезис у него не встречал. Но тут вот проблема в том, что без трансцендентной категории оно не движется дальше буквально двух поколений.

СУ. Вашим языком политической теологии трансцендентная идея — это движение к коммунизму. Требуется вера, что рано или поздно он наступит. Так же и говорят? «Ты веришь в коммунизм? Или не веришь?»

ПЩ. Нет. Смотри, принципиальная разница, Семён. Уж если говорить о православии, я в этот твой (в кавычках) «коммунизм» могу вступить здесь и сейчас. Святой живёт в коммунизме здесь и сейчас, в моменте. Ему не надо ждать конца времён.

СУ. Нет, коммунизм наступит неизвестно когда. Я воспроизвожу: социализм — да, а когда коммунизм, для этого нужно изменить природу человека, я напоминаю, изжить кучу недостатков.

ПЩ. Замечательно. Он наступит неизвестно когда, он на горизонте. Ты не можешь пожить при коммунизме, а святой может пожить в раю, здесь и сейчас, ещё до смерти. Это просто где разницы замечены. Но суммируя, вот весь мой тезис о том, что разговор о прогрессе неизбежно выводит нас на проблематику разговора о времени. Как мы вообще мыслим время. И здесь тогда следующая большая философская категория, какие вообще бывают времена и что есть время. Здесь прекрасное физическое и прочее разногласие. Что нас роднит, и почему разговор о прогрессии является неизбежным, на самом деле? Здесь важный комментарий, нам его всё равно не избежать, и будучи традиционалистом, я не пугаюсь этих разговоров, наоборот, я их приветствую, потому что категория времени — это и есть та самая категория движения. Всё классическое понимание времени: время — это мера движения. Мы редко так думаем, что время — это про движение из точки А в точку Б.

ИК. Физики это, кстати, очень хорошо понимают.

АЧ. Физики так и определяют. Это чёрная дыра, где гравитация такая, что движения нет и времени тоже нет.

ПЩ. И времени нет. Тогда возникают способы разные мыслить это самое время. Напоминаю, в классической философии есть, по сути, три образа мыслить время, во всех традициях:

Есть наше избитое хронологическое, которое мы все очень любим, и мы все очень его обсуждаем.

Есть циклическое время, то есть, повторяемость, например, год: это календарный год, сельскохозяйственный год, партийный год, литургический год. Год — это циклическое время. Оно идёт по кругу.

И, наконец, есть самое интересное время, без которого, на мой взгляд, вообще разговор о прогрессе становится попыткой вынести это время за скобки или не дать ему метафизическое основание, это и приводит к тем парадоксам, в которых мы оказываемся. Это время, так называемое, кайротическое, или время вечное. Лучше всего на эту тему, по-моему, сказал Владимир Семёнович Высоцкий, доступного на всем культурного кода:

> Чистоту, простоту мы у древних берём,
>
> Саги, сказки – из прошлого тащим,–
>
> Потому, что добро остается добром –
>
> В прошлом, будущем и настоящем!

Другими словами, кайрос — это категория, которая оперирует не понятиями «вчера, сегодня, завтра», «прошлое, будущее», а категориями «всегда» и «сейчас». И вот это кайротическое время и является, если угодно, некой точкой прорыва. Оно как бы прорывается в хроносе. То есть есть хронологическое движение (изменчивость). Но какова его цель? И вот здесь как раз, по сути, разные споры. Это именно споры о том, что такое вообще есть кайрос, что есть эта самая вечность, как эта вечность выглядит и в каких отношениях человек и коллектив с этой вечностью находятся.

АЧ. Это очень просто. Пьяный муж приходит домой, жена его начинает пилить, и он ей в этот момент говорит: «Всегда ты на меня ругаешься. Зараза, всю жизнь мне испортила». Вот это как раз прорыв кайроса в хронос, потому что, с одной стороны, это случилось в очередной раз, хронологически (раз в месяц после получки или ещё по каким-то праздникам). А с другой стороны, она всегда на него ругается. И в тот же момент сейчас ругается. Вот вам очень бытовая к этому иллюстрация.

ИК. Но это опять же нас возвращает к Богу в контексте «я есть начало и конец».

АЧ. Конечно. Бог же и задаётся как принципиально вневременное:

> — Что для тебя тысяча лет?
>
> — Как одна секунда.

— А что для тебя тысяча рублей?

— Как одна копейка.

— Господи, дай копеечку.

— Секундочку.

ПЩ. Да, абсолютно. И вот здесь возникает фундаментальная проблема, что

> если мы понимаем прогресс как особое отношение с вечностью, особое состояние отношения с вечностью, то тогда на уровне философии, просто логики, следует вывод о том, что в принципе прогресс недостижим как цель через временное и вещественное.

Сам по себе он, в принципе, через это, условно говоря, недостижим.Отсюда идёт критика, если угодно, богатства как собирания вещей (страха за прах, условно, глина глину делает).

> Классическая критика того, что сколько ты людей ни корми, сами по себе от этого они лучше не станут. В принципе, ты не изменишь эту историю. То есть, в чём, по сути, ломается общество потребления? То, что мы исполним все потребности, и это приведёт к изменению людей. Не приводит.

Очень интересно. Цель изменения людей, заметьте, ставится всегда. Нужно что-то, чтобы изменилось в самом человеке, чтобы начались отношения с вечностью. Но логически, если вечность принципиально иной категории, чем хронос, то вы через изменение количества или вещественного её не достигнете. Вот следующий неприятный логический эрновский или несмеловский парадокс. Оно требует качественного иного усилия. Мы говорим о количестве и качестве, об отношениях качества и количества. И здесь про научно-технический прогресс условного Алексея. В чём ключевое различие, на мой взгляд? Мы должны всегда задаваться вопросом. Какой цели служит вот этот НТП, или, соглашаюсь здесь иронично с Семёном, что бессмыслен разговор о втором типе этого движения изменчивости, если мы не отвечаем на вопрос, а какой цели он служит, способствует или игнорирует, или наоборот противодействует? Как это влияет прежде всего на человека?

СУ. Смотрите, и теперь вопрос времени, всё верно. То есть научно-технический прогресс позволяет ускорять или замедлять время. Это факт. Или ты стирать пошёл на речку, тебе нужно в коромысле принести [воду]. Или нажал кнопку. И главный-то вопрос в прогрессе, а на что ты используешь освободившееся время? Почему человек не развивается?

ИК. То есть он не использует это время на качественные изменения.

СУ. Тоже по Высоцкому:

> Стремилась ввысь душа твоя –
>
> Родишься вновь с мечтою,

Но если жил ты как свинья –

Останешься свиньею.

«Песня о переселении душ». Она же об этом. На что ты используешь своё время? Ты считаешь, что у тебя времени вечность? Это одна история. Но мы же прекрасно знаем историю, как научно-технический прогресс в средние тёмные века инквизиторы использовали для того, чтобы… Сколько изобретений всяких было?

АЧ. Опять всё началось.

СУ. Но использовался же научно-технический прогресс?

АЧ. Хватит антирелигиозную пропаганду гнать.

СУ. Пыточные инструменты шли бок о бок с научно-техническим прогрессом. И, например, в нацистской Германии…

ПЩ. А в XX веке, Семён, они не шли?

СУ. Так я и говорю, на протяжении всего времени они шли. И даже люди, которые декларировали, что у них вечность… Я почему привел пример инквизиторов? Потому что одни проповедовали идею Бога, а при этом практикой (неприятными делами) у них могли заниматься вполне конкретные люди. И точно так же Пол Пот в Камбодже. Мало ли, что он себе на замена повесил, а по факту гноил людей. Понимаете? Это вопрос, что делать со временем освободившимся. Как собака, когда у неё хватает времени, мы знаем, чем она занимается, точно так же человек, когда у него появляется куча свободного времени… Не зря педагогика, то есть, ведение человека. Давайте вспомним, когда человек совсем неразумный, он только родился, его же как ведут по пути прогресса, в том числе научно-технического на протяжении уже тысячелетий? Самыми простыми игрушками, погремушками. И по сей день. Сколько уже тысяч лет погремушке?

ИК. А кто вести-то будет?

СУ. А вот это я и хотел бы обсудить. Потому что время-то освобождается.

АЧ. Товарищи, я записался.

СУ. А что с прогрессом человека делать? Не очень понятно. А как? А кто цели будет ставить?

АЧ. Понятно что, в биореактор на мыло, чтобы не мучился, потому что он не знает, куда себя девать, как только ему время освободили. И надеяться, что он из этого незнания придёт к каким-то добрым делам и великим свершениям, это, как учат нас даже поздние Стругацкие, слишком оптимистическая гипотеза о человеческой природе. Я записался, потому что уж очень хочется всё-таки вот это табу, заявленное Семёном, про то, что научно-технический прогресс и есть…

СУ. Это не табу, это максима, но он имеет место.

АЧ. А я считаю, что его нет.

ИК. Почему?

АЧ. Моя специальность дипломная называется «теория и история культуры». В частности, один из моих любимых предметов в рамках вузовского курса был история материальной культуры. И в частности,

> одна из самых интересных вещей в истории материальной культуры — это вещи, которые изобретались, широко использовались, а потом забывались. И потом нередко, а иногда по нескольку раз, приходилось их переизобретать заново.

ИК. Приведи пример.

АЧ. Моя любимая история — это как раз-таки из металлургии, когда, дамасскую сталь, привезли ещё греки из Индии, потом забыли как её делать, бог знает когда, дальше аносовский булат XIX века, и всё равно документы потеряли, и всё равно технологию производства булатной стали пришлось переизобретать советским металлургам уже при Сталине. Да не по утраченным чертежам или книжкам [восстанавливать], а прям заново опыты химические проводить, потому что посеяли просто всё, что писал Аносов. Опять революции, войны, то, другое, капец, сколько такого. Можно сказать, что это частный пример. Но то же самое скотоводство — это чуть более давняя история, его изобретали и забывали на протяжении порядка десяти тысячелетий несколько раз. Оно нигде не хранилось. Но огромное количество утраченных технологий древних цивилизаций уже вообще не восстановишь никак. Только изобрести что-нибудь похожее, но другое. Или как-то так же. А бывали периоды, [например, моё любимое — это катастрофа Бронзового века. Ещё недавно была высокая культура, почти что глобализированный мир, деньги есть, торговля ходит, и вдруг случается нечто, и всё просто обваливается в тартарары, целые империи гибнут, целые пласты технологий утрачиваются. Действительно тёмные века наступают, античный мир из этого вылез веков через шесть после этого всего. А некоторые вещи вообще забылись. Опять же, не случайно же [он называется] Бронзовый век — такую бронзу, как тогда делали, так до сих пор делать и не научились.

ИК. Про цивилизацию ты прямо сейчас по Шпенглеру говоришь.

СУ. Почему ты это считаешь регрессом?

АЧ. Это не регресс. Я как раз говорю, что любые технологические открытия и технологические достижения обратимы. Причём не просто обратимы, они принципиально обратимы.

> Огромное количество технологических усилий было затрачено человечеством именно на сохранение знания и его передачу от одного поколения к следующему, от одного носителя к другому. Письменность ради этого изобрели. Всякую разную науку с образованием. Просто про то, как хранить то или иное знание. Но мой тезис принципиальный состоит в том, что знание любое невозможно хранить без потерь.

ПЩ. Без чего?

АЧ. Без потерь. Всегда при каждой итерации передачи знания из точки А в точку Б обязательно хоть один байтик, но теряется. Даже в цифре. А уж тем более в реальной живой жизни. То, что я сталкиваюсь, например, в практике госуправления. Когда вот была некая проблема, она была побеждена когда-то давно. В ходе борьбы с ней, например, с эпидемиями,

были изобретены самые разные социальные технологии. Эти социальные технологии в каком-то виде передаются потомкам. Но поскольку носителей практического опыта не передаётся, они помирают, извините, то у людей остаются какие средства, но всё равно, условно, если проблема на новом витке возвращается, они с ней справляются хуже. Вспомните, как быстро и эффективно забодали чёрную оспу в Москве в 1960 году, когда ее Кокорекин случайно привез из Индии, потому что это было в узусе; потому что как раз было живо огромное количество советских медиков, которые до этого как раз боролись именно с чумой, с холерой, с тифом, и в частности с оспой. Они были живы, их было в [достаточном] количестве. Они очень быстро пришли к начальству, сказали, что делать. Объяснили, что возможно, что невозможно, как надо себя вести. Очень быстро. Всего-то 17 человек померло. И вспомните на этом фоне, насколько, мягко говоря, неубедительно все, в том числе и мы, повели себя при ковиде. Какое количество абсолютно ненужных и лишних было смертей, какое количество суетливых телодвижений было совершено на всех уровнях, какое количество жуликов на этом нагрелось во всех странах мира. Вон, Урсула фон дер Ляйен.

СУ. У нас был регресс с точки зрения системы здравоохранения имени товарища Семашко. Мы позакрывали кучу коек. Я не понимаю, почему ты не считаешь это регрессом. То есть ты говоришь о том, что это цикл, это следует из законов сохранения энергии. Что-то сохраняется, а что-то теряется.

АЧ. Павел не случайно сказал, что есть время хронологическое, есть время циклическое.

> Я утверждаю, что прогресс подчиняется, скорее, законам циклического времени, чем хронологического. И сама задача сделать так, чтобы хоть что-то от предыдущих достижений сохранилось у потомков и они могли этим воспользоваться, на это опираться. Эта задача нетривиальная, очень сложная.

Далеко не всегда и не все поколения с ней справляются. Есть масса поколений, которые с этим просто не справились.

ПЩ. О, и вот здесь в чат входит Платон с моим любимым,его [тезисом]. Это классическая, вообще, главная дискуссия о прогрессе, и в том смысле, в котором говорит Алексей, в философской традиции она связана с именем Платона. По причине того, что он, наверное, вопрос ставит чуть ли не самым радикальным образом во всей нашей философской базе, и в одном из диалогов у него есть беседа Сократа с египетским богом мудрости Тотом. Это мой любимый сюжет. Сократ довольный, радостный: «Вот смотри, мы изобрели письменность. И вот в итоге, как много я, как и вообще человек будет знать», на что Тот начинает плакать горючими слезами и говорить: «Дурак ты, Сократ. Ты на бумаге доступ к этим знаниям иметь будешь, но знать ты как личность будешь меньше на порядок. Память твоя упадёт. Ты раньше эти знания держал в голове, и теперь объём твоей внутренней памяти радикально сократится». Другими словами, объём твоей внешней памяти вырастает, но объём твоей внутренней памяти, личностной, сокращается. И ты становишься в отношениях критической зависимости от внешнего носителя твоей памяти. Тут вот в чат, как вы понимаете, вся тема искусственного интеллекта входит очень органическим образом. Но так работает вообще с любой технологией. Машина — моя возможность по передвижению резко возрастает, но одновременно моя реальная способность бегать на 40 километров очень сильно падает. Что вы ни возьмёте, всё идёт по этому закону. Главный библейский символизм, уж извините, этого процесса называется кожаная одежда. Если кто не помнит, когда Господь наказал нас за, правильно сказать, идиотизм (назовём это таким образом), когда мы сбежали из рая.

АЧ. Я не сбега́л.

ПЩ. Потому что не надо есть яблоко раньше положенного тебе времени, и надо уметь признавать свои ошибки, а не валить: Адам на жену, жена на змею, змея на вообще…, это отдельная длинная тема, смысл грехопадения. Но важно то, что когда происходит изгнание, даются кожаные одежды. И у кожаных одежд двойной символизм. С одной стороны, они плод смерти: чтобы у вас появилась кожаная одежда, вам надо вообще кого-то убить в буквальном смысле. Кожаная одежда не самозарождается в природе. Вам нужно кого-то убить. Но с другой стороны, она служит барьером и границей для вас и теперь враждебной достаточно внешней средой, и она увеличивает ваши ресурсы, увеличивает ваши возможности. Как минимум, эта история говорит о том, что при разговоре о том циклическом движении, Алексей, нужно добавлять второе измерение. И это измерение качественного изменения, что вообще с личностью происходит по мере усиления внешних носителей. И если вводить какое-то представление о возможности сохранности, то тогда мы увидим то, что на длинной дистанции ключ сохранности — это те самые качественные носители. Условно говоря, те, кто в эпоху руин переписывают книгу или запоминают. Вот тут Рэй Брэдбери [даёт] хороший образ «451 градус по Фаренгейту».

> Когда всё рушится, те, кто помнят, то есть то, что удастся сохранить, будет ограничено не технологией, но личностью в конечном итоге. Или индустриальная археология, или социальная археология, оно всё будет. Та самая личность, которая была ключевой темой прошлого выпуска и спора — в начале этого, становится центральным вопросом при разговоре даже о научно-техническом прогрессе.

СУ. Это отличный пас, как раз у меня есть вторая заготовка, это про природу. То есть, когда я рассуждал, когда готовился, я вообще, если честно, когда готовился, дочитал книгу прекрасную «Монсиньор Кихот» Грэма Гримма. Не знаю, читали, не читали, там как раз о том, как бывший мэр-коммунист и священник из Эль-Тобосо (это аллюзия на «Дон Кихота») отправляются в путешествие, и у них шикарные споры. Кто не читал, я рекомендую прочитать. Мне наши беседы очень напоминают [эти споры]. Вот, время, и второе — про природу. Пас был как раз про грехопадение. Смотрите, научно-технический прогресс — суть обуздания природы. Об этом так прямо и говорили. То есть, наша задача — взять все богатства. Но есть же ещё и природа человека. И если управление силами природы, об этом вся наука и техника, — фактически это превращение в новые типы энергии, а новые типы энергии превращаются в средства производства. И пошло-пошло, поехало. Началось всё с водяных мельниц, а теперь системы видеосвязи. Это всё энергия. Превращение одного типа в другое. Природа человека: по большому счёту, у него же освободилось много времени (из нашего предыдущего разговора), а природа человека не меняется. [Осталось] и стремление эксплуатировать, лениться. Как наш великий советский поэт [писал]:

> Не позволяй душе лениться!
>
> Чтоб в ступе воду не толочь,
>
> Душа обязана трудиться
>
> И день и ночь, и день и ночь!

И вот, какой есть прогресс, кроме педагогики, то есть воспитания, для того чтобы изменить

природу человека, скажем так, прогрессивно (плохое слово), сделать его как-то лучше: «Стремилась ввысь душа твоя».

ИК. Качественные изменения.

СУ. Да. И вопрос этих характеристик качественных. Извините меня, у нацистов тоже была педология, да? Они же тоже воспитывали нациста, которого прям с детства…

АЧ. Так это и есть изменение к лучшему.

ПЩ. В 20-е годы Советского Союза, к сожалению, тоже были.

СУ. Ошибки были сделаны. Про прогресс я бы хотел обсудить и природу человека.

ИК. Могут ли они шагать параллельно? То есть, прогресс делать больше, быстрее, эффективнее, что мы обозначили. И качественное изменение природы человека.

СУ. Способел ли прогресс влиять на природу человека?

ИК. Могут ли они шагать параллельно? Правильно я понимаю?

АЧ. Блин, вы заставляете просто в очередной раз открывать товарища Маркса с товарищем Энгельсом. Это же все про диалектику производительных сил и производственных отношений. Прогресс же к чему приводит (прогресс, в частности, научно-технический). К очередному подъему производительных сил. Подъём производительных сил произошёл, а общественные отношения остались прежними в силу запаздывающего характера, костной, инертной человеческой природы, которая, медленно меняется. И поэтому, кстати, и социальные институты тоже медленно меняются. И этот конфликт уже вновь наросших в результате научно-технического прогресса производительных сил и архаичных производственных отношений, оставшихся от предыдущего хозяйственного уклада, всё время и приводят к революциям и к скачкообразному характеру истории.

СУ. А влияет ли это на природу человека?

АЧ. Теперь давайте про природу человека. Одна барышня, на которой мне даже пришлось в итоге жениться, ещё до этого события меня учила следующему: когда человек говорит, что у него нет времени, это значит, что на самом деле нет интереса. Потому что времени всегда в сутках 24 часа, в неделе 7 дней, в месяце — 30, в году — 365. Что значит нет времени? Это значит, что то время, которое есть, зарезервировано на что-то другое, более важное, чем на данную конкретную женщину. Не знаю уж на что, может, на другую женщину. А может, на кручение болтов в гараже. А может, на достижение успешного успеха. Главное, что не на неё. Поэтому вот это «нет времени» — это на самом деле такая хамская мужская отмазка. Если человек тебе действительно дорог, то время всегда есть. В этом смысле у меня одна из двух любимых фраз — это «нет денег и нет времени». Я их тоже, кстати говоря, онтологический статус присвоил в своей рабочей онтологии, что денег вообще нет никогда, просто. Деньги есть то, чего нет. И если они вдруг есть, это временное состояние, иллюзорное и очень быстро заканчивающееся. А по определению и по умолчанию они есть то, чего нет. И те, кто это понимает, они как раз и являются миллиардерами, хозяевами жизни и всё такое прочее. А все остальные как раз лохи, которые думают, что они есть, просто где-то в другом месте, их надо добыть. Денег нет.

То же самое со временем. Времени нет. Его не просто не будет когда-то при коммунизме или т. д., его вообще нет. В каком смысле? Конкретно у тебя нет. Почему? Потому что оно у тебя уже

в твоей текущей практике расписано навсегда. Ты уже на годы вперёд задолжал огромному количеству людей, институтов, собственной тушке, любимой женщине, общему потомству. А если несколько любимых женщин и потомков от оных, то и вообще. Я уже молчу, что есть ещё работодатели. И вот, товарищ прогресс внезапно из этого времени, которого у тебя нет, выкроил для тебя, значит, маленький кусочек, то есть появилась технология мощная выкраивания небольшого кусочка времени, маленького. Что ты делаешь, когда у тебя появляется немного вдруг шальных денег? Ты идешь и развлекаешься. Делаешь себе что-то приятное в рамках дозволенного бюджета. То же самое со временем. Вот у тебя появляется внезапно кусочек свободного времени.

ИК. Наконец я посмотрю сериал.

АЧ. Наконец я посмотрю, совершенно верно. Или позалипаю в соцсети, или ещё что-нибудь. То есть ты, воспринимаешь это самое время как по определению дефицитный ресурс. И когда у тебя вдруг сваливается на халяву сколько-то личного времени, вот Привалов в «Понедельник начинается в субботу», его научили технологии, как делать дубля, чтобы в очереди стоять. Помните, на что он потратил это время, которое у него освободилось благодаря мощной технологии создания дублей? Для стояния в очередях.

Итак, восстанавливаем картинку. Времени нет. И вдруг какой-то маленький кусочек его из этого небытия выплывает, и на тебе, дорогой человек, пользуйся, а ты уже состоишь из набора желаний. И ты выхватываешь из этой корзинки желаний ближайшее из доступных и тут же немедленно идёшь удовлетворять то желание, которое ты можешь удовлетворить за этот отпущенный тебе квант времени. Причём эта корзинка желаний, которая у тебя есть, принципиально больше, чем вся твоя жизнь. А может быть и несколько. Если удовлетворять поочерёдно все твои желания, которые в этой корзинке лежат, это нескольких жизней не хватит. И в этом смысле у тебя времени нет никогда. То есть, точно так же, как и в случае с деньгами, ты безнадёжный должник. Что происходит, и как вот из этого вырваться? Как дать себе…

СУ. Ты описал природу человека.

АЧ. Жизнь нашу тяжёлую.

ПЩ. Жизнь ли? Или существование? По-моему, ты описал не жизнь. Ты меня слушал?

АЧ. Житие мое. Бытие. Павел, просто у нас тут же был Переслегин. А я сидел, молчал всю дорогу. А у него же есть эта его триалектика.

ПЩ. Господи!

АЧ. Он говорит, что диалектика устарела. Маркс с Энгельсом и Гегелем уже списываются. Всё, теперь триалектика: это бытие, существование и богообщение. Вот три модуса, треугольник у него. Я говорю, Трус, Балбес, Бывалый. Трус отвечает за существование. Бытие — это Бывалый, понятно, жизнь повидал. А Балбес [отвечает] за богообщение, как и положено человеку не от мира сего. Это просто для иллюстрации.

И как раз здесь я с Переслегиным генерально согласен. Как ни странно, единственный момент, когда у тебя появляется время, это когда ты уходишь в молитвы. Вот здесь шутки кончились. Вот это единственное время, которое у тебя есть.

ПЩ.

> Когда ты занимаешься сверхрациональными вещами, у тебя появляется, более того, время по-настоящему, когда ты занимаешься жертвой, осмысленной жертвой внимания.

АЧ. Конечно.

ПЩ. Ты жертвуешь своё внимание на плетение сетей, как твои подписчики, если ты жертвуешь своё внимание. Просто молитва — это предельная форма жертвы внимания.

АЧ. Да, именно поэтому людям так тяжело в церкви даже просто стоять на службе, они не понимают куда деть своё внимание, физически невыносимо.

ПЩ. В голове стоит очень много мыслей, которых ты не знаешь, которые до этого ты успешно подавлял. Слушайте, честно, родилась мысль, родилась пара образов, пока ты говорил, не знаю, как связано, но обычно в наших эфирах я себе такое позволяю. Что у нас получается? Вот вообще у нас пара прогресс – технология, они, также имеют свою связь ещё с двумя нашими ключевыми понятиями – жизнь и смерть. То есть жизнь, смерть, существование. Триаду Сергея я бы перевёл в другую категорию: жизни, смерти, существования. В чём соблазн технологии? В том что на своей предельной дистанции она движется к тому что русский умный народ хорошо собрал в образе Кащея Бессмертного. Жизни нет, но и смерти нет, а есть одно бесконечное существование. И Кащей у нас весьма и весьма технологичен, если вы заметите. Кстати, очень хорошая технологическая история. В этом контексте интересно, что буквально сейчас прочитал новость, что наш дорогой товарищ Карп, который нам не товарищ, оказался, по его собственным словам, он знает о том, что значит быть

прогрессистом больше, чем почти кто-либо на планете. Образ Кащея Бессмертного, скажем так, управляющего зомбаками, — это как раз образ светлого технологического будущего господина Карпа.

АЧ. Осталось по яйцам дать, чтобы иголку оттуда выудить.

ПЩ. Вот, тема иголки. Что такое тогда иголка в этой конструкции? А это и есть та, мы бы сказали, совесть или, по Несмелову, душа эта самая. И вот здесь та фундаментальная проблема, о которой ты говоришь о времени. Что мы выясняем?

> Выясняется, что бессмертного субъекта по-настоящему не может удовлетворить ничто конечное и материальное. То есть, если мы предполагаем, что субъект бессмертный, а значит, бесконечный, то есть, не имеющий своего конца, не исчезающий, то тогда по определению всё то, что конец имеет, и всё то, что смертно, удовлетворить нас по-настоящему не может.

Мы можем создать некий луп, как в коде, и бесконечно по нему бегать, что тот самый Кащей Бессмертный [делал].

Что является альтернативой?

> Альтернативой является жизнь без смерти. Но для этого, получается, нужно из парадигмы существования перейти в парадигму жизни. А чтобы перейти из парадигмы существования в жизнь, тебе нужно преодолеть ту самую кромку смерти. Поэтому «Смертью смерть поправ».

И если ты под прогрессом понимаешь преодоление кромки смерти и [преобразование] существования в жизнь, то такой прогресс имеет место. Это я сейчас очень радикально упрощаю то, о чём писал Эрн в своих работах. Если мы понимаем его под общей целью, то тогда и вопрос технологий (пять возвращая русскую сказку), Иван стреляет из лука и эту иголку тоже ломает. Там присутствуют, условно, эти кожаные одежды материальной культуры, но они поставлены на своё место. Это очень важно. Им не дана задача, которую они принципиально не в состоянии выполнить. Они нас жизнью не наполнят.

> Жизнью нас наполнят только героические сверхрациональные выборы любви, чести, доблести, в конечном итоге, жертвы. Это единственное место, через которое мы приобретаем смысл по-настоящему.

И в той мере, в которой эта технологическая среда уместна в этой истории, она свою роль в этом контексте играет. Не случайно, что стены Небесного Иерусалима, кстати, сделаны из золота. То есть там присутствует материальная культура. Это очень интересный момент.

> И тогда задача человека — преобразить весь окружающий мир, всю материю, перевести всю материю через человека из существования в жизнь.

Вот такое дополнение, если кому не хватает сверхзадач, тоже то, что присутствует во всей этой

дискуссии.

А последнее, то, что интересно, это всё-таки применительно к уже прикладным дебатам, наверное. Традиционалистов часто тоже обвиняют, что вы хотите мир исключительно без электричества, и нас тогда победят страшные люди, «старлинки» и страшные «палантиры». И вот первый тезис: вообще-то, нет. Это не совсем то, что я предлагаю, когда говорю о восстановлении иерархии. А второе: меня очень сильно интересует в этот год образ товарища хусита. Коллективный товарищ хусит, который с точки зрения материального прогресса, скажем, не очень-то и прогрессивный, но с точки зрения силы его качественного субъекта и невидимых связей доверия, он показывает такой ресурс возможностей при минимальных технологических возможностях. То есть появляется та самая симметрия. Я к тому, наверное, что эти вопросы надо видеть в их асимметрии и в разной причинности. То есть, нужны ли дроны? Нужны. Но дроны доверия не заменят. И если есть доверие, то тогда то энное количество дронов будет применено с гораздо бóльшим коэффициентом условно-полезного действия на длинные дистанции. Это то, что буквально родилось экспромтом, не знаю…

АЧ. Тут у меня простой комментарий. Я же в Академию Генштаба сейчас хожу нередко. Там тезис такой, что боевой дух решает при условии равенства…

ПЩ. Технического паритета.

АЧ. При условии технического паритета, паритета силы средств ведения войны. В этот момент всё решает боевой дух.

ПЩ. Но смотри, на каком времени? Если мы посмотрим на Талибан (теперь, вроде, они перестали быть экстремистами), то мы увидим, что на дистанции 20 лет их дух решал даже в условиях отсутствия технологического паритета.

АЧ. Смотри, что дальше? Чему учат в военной академии? Они говорят, что диспаритет имеет цену. Если у тебя хуже оружие, то ты, например, кладёшь больше людей, решая те же задачи, которые противник решает меньшим количеством. И дальше ты вспоминаешь про хуситов, а я вспоминаю в свою очередь, что кричали англичане во время суданского восстания, которое было ими успешно подавлено. Они кричали следующее: «У вас есть Махди, а у нас есть "максим"».

ПЩ. Да, у нас есть «максим».

АЧ. И это как раз тот случай, когда духа фанатов Махди не хватило, если, может быть, их было бы больше, они числом бы задавили. Но их всё-таки было хоть и много, но недостаточно. То есть их удалось покосить «максимами». И вот здесь как раз тот случай, когда «максим» оказался сильнее Махди.

ПЩ. Хотя были эти примеры, битва при Исандлване знаменитая, когда зулуссы разбили британскую колонну под ноль. То есть в целом-то я согласен. Тут есть асимметрия, тут есть некое отношение. Но просто вопрос, наверное, мы должны поднимать стратегически, приоритеты тактические, приоритеты и цены этих асимметрий. Когда мы говорим при правильной иерархии.

АЧ. Это я уже свою рабочую модель пытаюсь собрать. На четвёртой дроннице делал даже кусок этого доклада. Он назывался «Факторы превосходства», то есть в бою факторы превосходства: боевой дух — фактор превосходства, готовность убивать и умирать; но и материальные средства — фактор превосходства. А часто связь, например, — фактор

превосходства, мы сейчас видим в «Старлинке». При примерно одинаковом у нас с противником боевом духе, при примерно одинаковом наборе сил и средств ведения войны внезапно связь становится фактором превосходства. Или, например, ещё более тонкие вещи — качество организационной структуры управления. В результате чего управляющий сигнал проходит быстрее или медленнее. Помните знаменитую историю, по-моему, рендовскую, как американцы обнаружили (по-моему, даже у Задорнова об этом было), что английский язык при отдаче команд вдвое короче японского. Чтобы отдать команду на японском, нужно потратить в два раза больше букв, чем чтобы отдать такую же команду на английском. И поэтому английский как язык управления лучше. Но дальше Задорнов из этого вывел, что с русским. Русский, получается, лучше японского, но хуже английского. То есть он длиннее именно как язык управления. Отдавая команды на русском, ты в целом более длинные [фразы произносишь]. Но у русских есть секретное оружие. В отдельных случаях они переходят на ультракороткие команды, которые оставляют далеко позади даже английский, и при этом их почему-то прекрасно понимают.

ИК. Павел, чтобы зафиксировать лично для себя, по поводу качественного изменения меня самого и развития гаджетов: молиться, слушая молитвы в наушниках с помощью телефона, — это и есть то самое оно.

АЧ. Чего?

ИК. Ну когда я молитву слушаю не в церкви…

ПЩ. Тут подставок гораздо больше, о чём есть прекрасная беседа Серафима Саровского с Мотовиловым. Молитва как технология обладает всеми теми же недостатками, как и любая другая технология. Если ты будешь молиться ради молитвы, то ты наступишь ровно на те же грабли, как и коллективный Карп.

> Ещё раз, возвращаясь к фундаментальной цели. Какова цель? Серафим, например, означает цель очень интересную — стяжание Духа Святого. Цель — стяжать Духа Святого. Что значит стяжать Духа Святого? В контексте нашей беседы, наверное, не будет большим преувеличением сказать: это та самая жизнь, не существование, а жизнь. Или полнота бытия, или цельное единство, присутствие твоей личности в отношении их с вечностью. В этом, то есть эта цель. Остальное тебе должно помочь на этом пути.

Есть, условно, те средства, которые помогают, хотя бы имеют шанс на помощь. Есть те, которые вообще не помогают никаким образом. Нейтралитет вряд ли здесь возможен, скорее не помогают. И здесь самая огромная творческая твоя задача, субъектная, — преображать всё, что встречается на твоём тебе пути, в сторону этого качественного внимания. В этом особый действительно творческий потенциал человека. В принципе, наверное, почти любую технологию можно преобразить, было бы желание. Почти любую. Не скажу, что любую, но почти любую можно преобразить. Кроме, наверное, тех — и здесь действительно фундаментальная проблема, — которые радикально отрицают нашу природу. Здесь возникает вопрос, который меня волнует, например, больше, чем искусственный интеллект, это вопрос синтетических технологий, синтетической биологии, потому что на фоне этого вопроса, честно говоря, вся наша с вами материалистическая сторона дебатов — просто детский лепет. Чтобы уважаемые слушатели понимали контекст, это технология выращивания людей в пробирках, выращивания клонов для физического продления жизни привилегированным людям, и это всё не научная фантастика, это современные реальные практики, которые уже происходят. И вот

здесь вопрос идёт гораздо более для меня фундаментально. Для Алексея не идёт.

АЧ. Вообще не идёт. Не вижу никакой проблемы. Что такого? Мы же по-моему даже про это говорили. Себя на флэшку скачал, в облако запихал, тушку на комбикорм сдал, новую из магазина привезли, без цирроза печени и прочих обретённых за годы жизненных невзгод всяких-разных дефектов — и молодой красивый пошёл на дискотеку тёлок клеить.

ПЩ. Смотри, проблема в том, что в этом мифе всё-таки ещё есть риск, что то, что загрузится на флешку и сгрузится, будешь не совсем ты. Тут есть большая проблема континуитета. А технологии синтетической биологии обещают, что даже проблема континуитета будет решена, то есть омолодится твоё то самое тело. Твоя конкретно вот твоя физическая тушка будет омоложена полностью состоянием тебя 30-летнего.

АЧ. Мне кажется, это малозначимый нюанс.

СУ. А зачем это надо?

АЧ. Так нет. О, давай.

ПЩ. Так это то самое решение проблемы смерти. Если мы говорим о прогрессе, то это как раз заявка на это самое.

АЧ. Нас Павел весь наш разговор упорно тыкает носом в проблему смерти. И здесь скрывается его уже пункт про биологическое бессмертие. Давайте тогда поговорим всерьёз о смерти. Тезис первый, чему нас учит классическая русская литература, проблема не в том, что человек смертен, а в том, что он внезапно иногда смертен. И в этом смысле технологии биологического бессмертия спасают нас от смерти, возникающей в результате естественных процессов старения, но они не очень-то спасают от летящего с крыши кирпича.

ПЩ. Или дрона.

АЧ. Или дрона, тем более. И ещё менее они спасают нас от навязчивого желания одних людей убивать других людей по разным мотивам и причинам. Более того, они всячески этому в некоторых своих частях способствуют. Я имею в виду, биотех тоже тут не в последних рядах. Поэтому думать, что биотех решит проблему смерти — таки нет. Он решит всего лишьп роблему ограниченного срока годности одной отдельно взятой биологической тушки.

ПЩ. Но он радикально изменит координату политических задач, потому что тогда у тебя, условно, возникает императив коллективного Элоя по созданию системы безопасности по остановке времени, достижения потенциала хаоса, энтропии потенциальных дронов, кирпичей.

АЧ. Проще говоря, «здравствуй печень, Путин вечен».

ИК. Это очень хорошо в антиутопическом фильме «Время» описано. Там люди, которые…

АЧ. Да, с часами. А «Дюна»? Там бог-император, которому 3000 лет.

СУ. Об этом вообще половина фантастики научной.

АЧ. Ну, да. Где-то в углу плачет маленький Зеленский, который надеялся Владимира Владимировича пережить. А тут, нате-здрасте, прибежали биотехнологи — и облом.

СУ. Если говорить технологии, технологии, сколько библейские герои жили?

ИК. Смотря какой. Самый долгий — Мафусаил.

СУ. Давайте от первоисточников отталкиваться. Вот пока они…

ПЩ. Допотопные долго жили.

СУ. Вот смотрите, то есть пока технологии только вернут к истокам, то есть получается всё это время был регресс, я не понимаю, чего Павел опасается. Мы ещё не вернулись. Но мы же отталкиваемся от того, что первоисточники правду сообщали.

ПЩ. Нет, если мы говорим то, что предшествовало потопу, то там интересно, если мы ходим об этом. Там же предшествовало ему тому, что появились так называемые нефилимы. Кто такие нефилимы? Это так называемые гибриды, рождённые в буквальном смысле от союза духа и женщин. То есть гиганты, скажем так, в разных технологиях. Если тезис Семёна в том, что мы на всех парах движемся к допотопному человечеству, я, наверное, с ним соглашусь.

АЧ. Слово «допотопный» тоже в контексте разговора о прогрессии очень интересно звучит.

СУ. Как раз регрессивный.

АЧ. Допотопный. Но у меня ещё было маленькое замечание про проблему смерти. Ведь, смотрите, проблема смерти же ещё и в частности приводит к тому, что огромная часть нашего уклада, нашей вообще всей эко-, техно- и прочей системы (я уж молчу про систему институтов), она как раз в качестве базовой доминанты, константы опирается на принципиальную смертность homo sapiens.

СУ. Это аксиома.

АЧ. Да. Ради этого делаются, например, все системы передачи знания, даже письменность. Зачем бы она была ещё? Её же изобретали, чтобы можно было передавать знания от того, кто точно помрёт, к тому, кто ещё поживёт. А ещё, например, такой интересный институт, как семья. Ты же клянёшься любить до гроба. А когда он будет, этот гроб, если ты вечно живёшь? Любить заколебёшься веку к пятому совместной жизни. А может и раньше. И этот список можно продолжать.

СУ. В «Золотом телёнке» про вечного жида, пока он к Петлюровцем не попал, он всё страдал.

АЧ. В том-то и дело, что как раз-таки возможность биологического бессмертия, кроме всей этой политики про вечных начальников, нас перед таким количеством разных других вызовов ставит, гораздо более на самом деле фундаментальных, чем политические. Поэтому вот в этом есть опасность такого биотеха. И самое главное (как раз то, о чём Павел сказал очень-очень точно), что как только такая технология появляется, представьте себе цену вопроса, конкуренцию за доступ, потому что жить-то хочется, а особенно жить хочется, если ты богатый, знаменитый и могущественный, а значит, этого точно не дадут всем, и дальше целый корпус действительно из десятков сотен и тысяч книжек.

ПЩ. Буквально короткий [комментарий], ты не подумал. А ещё у тебя рождается идея, что вы дышите нашим воздухом тогда. Если я не умираю, а вы умираете, пьёте нашу воду.

ИК. Здравствуй, технофашизм.

АЧ. Сейчас выступлю в роли футуролога-прогнозиста (хоть и не похож я на Переслегина), но допустим, что эта технология, будучи изобретённой, немедленно приведёт к той самой гоббсовской «войне всех против всех», в ходе которой все просто друг друга каменными дубинами переубивают.

СУ. По идее, должен остаться один человек.

АЧ. Маклауд из клана Маклаудов.

СУ. Был такой мемчик: в 2025 году советские генетики клонируют товарища Сталина, и тогда вам всем конец.

Мне кажется, Павел, ты делаешь два шага вперёд по поводу бессмертия. Сначала просто качество жизни изменится. Те, кто будет иметь доступ к этим технологиям, будут жить значительно дольше чем все остальные.

АЧ. Это уже происходит, это уже не вчера.

СУ. И разница просто будет расти, расти, расти, расти. И поэтому логично, что это будет возвращение по типу, как было рабовладельческий строй. Там же что было принципиальное? Что власть господина над рабом абсолютна, он в любой момент может его предельно убить. То есть он управляет его временем жизни. То есть он всегда говорит, все, конец. И это с помощью технологических примочек мы и наблюдаем, то есть это же в пище отражается. Наша прекрасная беседа про экологию с Юлией Урожаевой. Помните, широкий смысл взгляда на экологию, не только природа. Как я говорю, природа человека: что мы едим, на что мы тратим свое время, как мы образовываемся. Ведь когда у тебя плюс 50 лет, ты можешь сколько знаний постигнуть? Насколько больше?

ПЩ. Да не будут они постигать знания, это будет остров Эпштейна на максималках. Ну, что вы как дети?

СУ. Если вы хотите управлять…

АЧ. Вдруг у тебя фетиш состоит в том, чтобы книжки читать, внезапно, вместо того чтобы детей есть. Откуда ты знаешь?

ПЩ. Я усилю тезис Семёна. На самом деле, на этом этапе это перевёрнутый кошмар Стругацких, ещё больше кошмар, из «Волны гасят ветер», это разделение на два биологических вида.

АЧ. Да, только такое…

ПЩ. Только не как Стругацкие думали по большой нравственности.

АЧ. И отсюда моя заготовка, я хотел её тоже перед вами на стол выложить. Почему я не технофоб, но и не технооптимист? Потому что я исхожу из того. что основная проблема любой новой технологии состоит в том, что как только она появляется, одни люди немедленно пытаются использовать её против других.

ИК. Ты с этого начал.

АЧ. Это верно применительно к любой технологии, не обязательно боевой.

> Любая технология, самая что ни на есть мирная, безобидная, белая и пушистая, тут же немедленно становится орудием превосходства, просто потому, что у одних она есть, а у других её нет. И те, у кого она есть, благодаря ей получают локальное преимущество.

ИК. В разрых формах.

АЧ. Это особенность любой технологии, причём хотят люди этого, не хотят люди этого. В этом же, кстати, была идея как раз-таки просвещенцев, чтобы как можно больше вообще всем бесплатно-даром распространять знания. В этом видели возможность выровнять дисбалансы общественного устройства, что если все будут знать всё, если знание будет общедоступным бесплатным благом, и любое научное открытие, любое новое знание, уж тем более любая новая технология, тут же немедленно станет общим достоянием, а несправедливость вместе с эксплуатацией сами собой рассосутся.

СУ. Так это весь русский XIX век, художники-передвижники, всё ж об этом.

ПЩ. Но, как мы эмпирически выяснили,

> распространение знаний, возможности получать знания не означает распространение желания и собственно получения знаний. Оказалось, что людей надо заставлять получать знания.

То, что просвещенцы, мягко говоря, сильно не предполагали.

АЧ. Не предполагали. Хотя, в общем-то, знаете, до всякой Великой Октябрьской уже товарищи народники с этим столкнулись ещё, когда в народ пошли. Думали, что люди хотят учиться.

ПЩ. Да, а народ учиться как-то особо вообще не хочет. Им это не особо интересно.

АЧ. Более того, как выяснилось, и к власти-то не все стремятся, и к богатству — далеко не все. К славе — вообще далеко не каждый.

ПЩ. И к чести, и к прочим другим категориям.

АЧ. Да.

ПЩ. И люди как-то очень невзаимозаменяемые.

АЧ. Многим и так-то нормально. И поэтому мне вот очень хочется отреагировать на тезис Семёна про эксплуатацию человека человеком как некую цель, как некое движение.

> Если мы согласились, что неравенство неустранимо (люди разные вообще), то получается что наше бремя, наш крест — всю дорогу бороться с последствиями этого неравенства. Идея — уничтожить эксплуатацию человека человеком. Но поскольку неравенство заложено в нашей природе, то мы обязаны будем всю дорогу, пока существует человеческий род, непрерывно профилактироваться, прививаться от того, чтобы это самое неравенство не приводило к эксплуатации, чтобы от того, что один умнее, а другой сильнее, не приводило к тому, что кто-то один из них по одному или другому критерию над другим господствует. Это трудно.

ИК. И уж точно прогресс это не уберёт.

АЧ. Вообще, никаким образом. Именно поэтому никакой пользы по большому счёту, кроме возможности ходить в тёплый сортир, вместо того чтобы опорожняться во дворе, особо от прогресса нет. Ну и вреда, однако, тоже никакого.

СУ. Ну это вообще я считаю главное. Я сейчас читаю отличную книжку, которая называется «Два мира: Дети в США и СССР» социолога и педагога американского, но из наших. Его семья в 1917-м году переехала. Ури (он Юрий на самом деле) Бронфенбреннер, [книга вышла] в 60-е годы. Он очень интересно сравнивает именно две педагогические модели, классическую нашу и американскую 60-х годов. Ещё когда не такая роль телевизора. Что он отмечает в этой ситуации? Как с этой проблемой главной боролись? Это помощь отстающим. То есть, когда ты, тот, кто опережает, отличник, его нагружают не только тем, чтобы он был лучше, побеждал на Олимпиадах. Чемпионский чемпион. А его обязательно нагружают, чтобы он вытягивал двоечников.

АЧ. Блин, вот мне вечно именно поэтому сажали какого-нибудь балбеса.

СУ. Да, именно поэтому ты такой и вырос толковый.

АЧ. В итоге это нагружение приходило к тому, что, мне приходилось контрольно писать за себя и за него.

СУ. Поэтому ты человеком вырос.

ИК. Да, проблема в том, что, понимаешь, он-то не учится, вот этот балбес, а он списывает.

СУ. Нет, это как поставлена работа, извини меня.

ИК. Нет, не соглашусь.

СУ. Почему не согласишься?

ИК. Потому что…

АЧ. Потому что по жизни она никак не была поставлена, по жизни единственный бонус, который я получал, это что меня били меньше, чем могли бы.

ПЩ. Кстати, немаловажный.

СУ. А это что, неважный эффект?

АЧ. Обычно ботанов и отличников бьют, как не в себя, в любой нормальной советской школе коммунистического воспитания. А у меня крыша была такая, что я хоть и был на три года всех младше.

СУ. Ко мне тоже подсаживали точно так же, по такой же схеме. Но за счёт этого я знал на районе лучшие заброшки, которые они мне показывали. И проникал за карбидом, за серой и другими материалами.

АЧ. Отсюда польза. Помоги ближнему.

СУ. Так и они мне тоже помогали.

ПЩ. Друзья, простите, но это всё переизобретение велосипеда. Я, собственно, с ним согласен, просто с принципиальным дополнением. Почему переизобретение велосипеда? По сути, это, Алексей, ты переизобрёл вместе с Семёном апостола Павла, который пишет про устройство церкви, что у вас разные дары: кто-то пророчествует, кто-то управляет, кто-то о бедных заботится хорошо, у кого-то богатство есть. И условно, когда богатый накрывает стол, он даёт богатство, а когда бедный приходит за этот стол, он даёт ему честь и тем самым спасает — в общем, все спасают всех коллективно, таким образом взаимодополнения. Тезис правильный, кстати. Главный тезис. В чём тут проблема? Для того чтобы перейти к этой логике, нам нужно прийти к пониманию своих качеств, не как то, чем я владею, а как то, чем я распоряжаюсь. То, что мой ум — это не моя собственность, а дар, данный мне, которым моя задача теперь распорядиться.

АЧ. Слово «дар» — значит, кто-то подарил.

ПЩ. Отсюда возникает третье условие, что эта модель не работает без того, что я называю сверхрациональным контуром доверия. Прогресс ограничен рациональностью. В чём здесь вся эта история? Что каждый раз, когда ты ограничиваешь его рациональностью, у тебя получается фашизм, что вся наша сегодняшняя беседа и показала. То, что прогресс, оставленный в зоне разума, обязательно становится фашизмом. Чтобы вырваться из этой ловушки разума, тебе необходима сверхрациональность, которая решает вопрос моего личного бессмертия. Здесь я иду за Эрном, другого такого, как он, в православной церкви нет.

АЧ. Точно, я понял, короче, вообще любить ближнего мне нафиг не надо. Начерта он мне сдался?

ПЩ. Не надо.

АЧ. Но ради вечной жизни приходится любить ближнего. И что же делать? Никакого желания, но работай над собой — и начинаешь любить ближнего.

ПЩ. Дальше появляется другое: ты уже любишь не ближнего. Если ты берёшь православие, ты ближнего любишь не за его заслуги, которых у этого ближнего нет, а ближний — это икона Бога. В нём образ Христов отображён. Ты в этом ближнем Христа любишь. Это начинает тебя к нему уже принуждать.

ИК. Павел, а как мы всё это назовём? Православный прогресс?

ПЩ. Нет, у Эрна это называется катастрофический прогресс.

АЧ. Нормально. А что? Это ваша раковая опухоль успешно прогрессирует.

ПЩ. Из этого и рождается [возможность] пообсуждать. Мне кажется, ключевая тема здесь — остаётся тема смерти, потому что разговор о прогрессе невозможен без серьёзного разговора о теме смерти. Мы смерть уже обсуждали, но, возможно, нужно будет обсуждать ещё раз.

АЧ. Да, я готов, я готов вернуться.

ПЩ. А вторая тема — это собственность и дар. Серьёзный разговор об этом. Тут очень много и теологического, и из ваших любимых других классиков, но [нужна] смена парадигмы на принцип социального и личностного отношения. Мы не устраним неравенство, действительно, но отношение к неравенству может быть абсолютно разным. Если я отношусь к неравенству как, условно, в протестантской картине, к моей избранности, то у людей возникает вопрос иерархии, потому что мы понимаем иерархию как привилегии, тогда получается кто-то

избранный, кто-то не избранный. А если мы понимаем, что любое неравенство — следствие особого дара и особой ответственности, и с тебя спрос больше, если ты полученный дар (как талант) растратил непонятно куда и закопал, то парадигма радикально меняется. Но это затравка на большую историю про прогресс.

ИК. Да, да, очень хорошая мысль, очень хорошая идея.

АЧ. Здесь есть некая опасность, если с самого начала декларировать, что мы не отменим неравенство, это же звучит как галимая правая пропаганда. Типа, если вы бедные и вас эксплуатируют, расслабьтесь и получайте удовольствие, просто примите это.

ИК. Ладно, подожди, давай все карты на стол-то не будем.

АЧ. Jamás será vencido, Че Гевара и все прочие, тоже мне.

ПЩ. Но Алексей Че Геварой не станет. Че Гевара не станет Алексеем. Без этого разговор о равенстве несерьёзен.

АЧ. Не станет. Этот момент твоего второго захода, про неравенство…

ПЩ. Неравенство даров.

АЧ. и отношение, и различия в людях — вот это бы хорошо обсудить. На уровне наивной постановки вопроса, почему люди разные. Ведь

> бóльшая часть всех наших конфликтов, включая войны, включая мировые, — это просто когда какое-нибудь различие между людьми или группами людей внезапно выносится на авансцену и объявляется предметом.

Например, «у вас почему-то нос прямой, а у вас кривой. Давайте мочить друг друга!»

ПЩ. То есть два вопроса. Почему люди разные? И что это значит? Первый вопрос – почему люди разные, а второй вопрос – а что это значит. Это два разных вопроса.

СУ. И тут главная ловушка когнитивной войны, потому что превосходство выдают за неравенство. То, что неравенство есть, это факт, аксиома, это правда, мы разные. Но это выдаётся за превосходство. И тут начинается нацизм.

ИК. Братцы, контур следующего разговора уже понятен. Давайте максимально кратко подведём итоги сегодняшнего. Павел.

ПЩ. Очень кратко. Любой разговор о прогрессе, который не говорит о смерти, несерьёзный. Я призываю к серьёзности этих бесед. Соответственно, технологию выкидывать с корабля не нужно, но поставить на свое место необходимо. Это если совсем кратко.

ИК. Семён.

СУ. Мысль не моя, но я ещё более в ней утвердился. Это я у Кара-Мурзы подрезал по поводу того, что

> бороться нужно за уменьшение страданий, а не за увеличение наслаждений,

Когда научно-технический прогресс и технологии, с ним связанные, уменьшают страдания (это коллективное чаще всего понятие, то есть мы определяем, что нам приносит страдания), то тогда можно считать этот прогресс нравственным, а если он увеличивает количество наслаждений, тогда он безнравственный, и это сугубо такая материалистическая позиция. Можно посчитать.

ИК. Алексей.

АЧ. Я получил ответы, дай бог, на половину вопросов, с которыми шёл. Павел мне вообще ответил. Я, типа, пришёл: «Павел, растолкуй мне, что такое прогресс». Он говорит: «Без понимания проблемы смерти про него нечего даже разговаривать. Пока мы про смерть ничего не поймём, это всё в пользу бедных прямом смысле слова разговор». Понятно, отправился учить уроки в заданной последовательности. Но кое-что всё-таки понял.

> Наверное, самый странный был разговор про то, что прогресс обратим. Представьте себе археологов, которые пытаются что-то понять про наше с вами время. Какое количество источников про античность, про Средневековье, особенно про Новое время и первую половину XX века. А про наше время все эти байты сгорят в одно мгновение,

как сейчас по дата-центрам шарахнули, и тут же, как Яндекс сказал, 3% пользовательских данных невосстановимы. 3%. А вдруг 100% почему-нибудь будет невосстановимо. А там вся ваша жизнь, все ваши фото, все ваши тексты, все следы ваши. И через 300–500 лет пытаются разобраться: о чём говорили некто Щелин с Ураловым, Чадаевым и Князевым на подкасте. А следов не осталось.

ПЩ. На Ливонской границе, да?

АЧ. Да, потому что оно всё в цифре, а цифра гораздо более хрупка и уязвима, с точки зрения разных рисков, связанных со временем, не говоря уж с катастрофами.

ИК. Выбить чистоту понимания.

АЧ. Я понял, что надо срочно уходить обратно в грубую предметную реальность, памятники воздвигать самим себе исключительно рукотворные, а то…

ИК. И выбивать основные тезисы в скале.

АЧ. Например, да, как-нибудь, потому что, судя по всему, прогресс нас привёл к тому, что следов вообще не останется, подчистую. И это прямо на нашей памяти произошло. Мы-то родились ещё в мире бумажных носителей. И детство своё провели. Так что прогресс, ребята, обратим. Это вовсе не история какого-то движения из тёмного прошлого в светлое будущее. Он очень даже умеет — шарах! — и в никуда, очень даже умеет. И снова с нуля строить новое, действительно, небо и новые земли, как много раз до этого делали разные представители разных человечеств.

ИК. Круто. Братцы, спасибо большое. Увлекательнейшая беседа была, классные разговоры. Благодарю наших зрителей за то, что смотрели «Чистоту понимания». Не забудьте поставить лайк, это важно для продвижения. Мы в ВК, в Рутубе, в Ютубе есть, поэтому ищите нас там. Алексей Чадаев, политолог, журналист, сегодня был за этим столом. Ещё один наш ведущий — Семён Уралов, политолог, журналист, писатель. Отдельная благодарность, как всегда, вам,

Павел Щелин, политический философ.

Не забывайте про стримы, по вторникам они выходят, в 9 вечера. Смотрите «Чистоту понимания». Увидимся!

Словарь когнитивных войн
Телеграм-канал Семёна Уралова
КВойны и весь архив Уралова
Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда
Бот-измеритель КВойны
Правда Григория Кваснюка